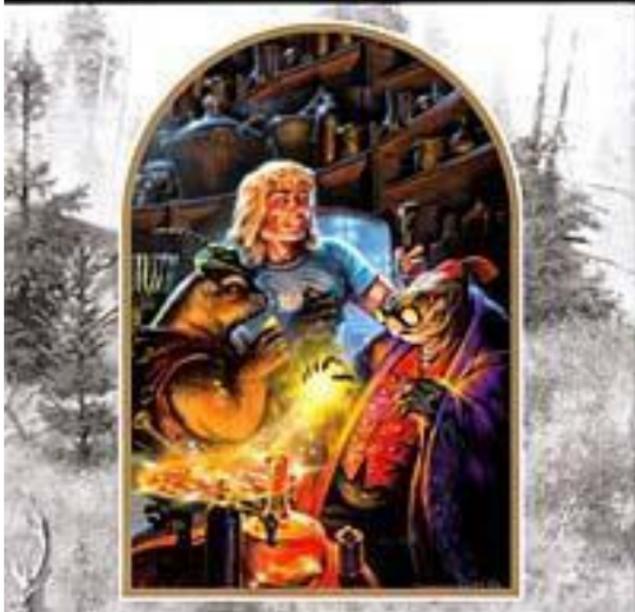

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Алан Дин
ФОСТЕР

Чародей с гитарой

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Алан Дин Фостер
Чародей с гитарой
Серия «Чародей с гитарой», книга 1

Библиотека леопарда Вешу
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130809

Чародей с гитарой. Том 1: Эксмо-Пресс; 2005

ISBN 5-04-010086-8

Оригинал: AlanFoster, "Spellsinger"

Перевод:

Юрий Р. Соколов

Аннотация

Джонатан Томас Меривезер – простой американский студент – случайно попадает в волшебную страну, где он оказывается в довольно странной компании вместе со вздорным выдром по имени Мадж и излишне эмансипированной девицей Талеей. Любовь к рок-музыке неожиданно помогает главному герою выпутываться из сложных ситуаций, хотя, как показывает практика, пение под гитару приводит иногда к довольно странным результатам.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	33
Глава 3	59
Глава 4	73
Глава 5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Алан Дин Фостер

Чародей с гитарой

*Ричарду Корбену,
Вон Боуд,
Джимми Хендриксу
и Китти-киске*

Пролог

Взволновались звезды, и явлены были в небесах знаменья.

В день четвертый Элурии, следующий за Пиршеством Единокровия, огромная комета осветила ночное небо. С востока на запад проследовала она над Древом и видна была всю седмицу. А когда исчезла, черный шрам остался на плоти сущего, горячий и неизгладимый.

Со временем из шрама стали выглядывать хари. Немногие способны были их лицезреть, и совсем никто не знал, зачем и откуда явились они. Хари плясали, насмешничали, издевались над невинными очевидцами. С негодованием или просто в ужасе отворачивались редкие зрители или же начинали придумывать всему какое-нибудь успокоительное объяснение.

Лишь один поступил по-другому. Он просто не мог иначе:

эти морды мучили его во сне и не давали покоя днем. Он пропускал слова в формулах, путал простейшие заклинания, запинался, читая, и ошибался в рифмах.

Великое зло проникло в мир. Дважды за свою долгую жизнь сталкивался с ним волшебник, но никогда еще прежде не сочеталось оно со столь неотступным предчувствием грядущей гибели и всеобщего разрушения. Он не мог дотянуться до сердцевины этого зла, в ней гнездились такое, чего он не мог понять; неизвестное нечто грозило разметать в клочья все каноны привычной магии. Гнусное, чуждое, не знающее, не ведающее ни чувства, ни смысла. Вот это более всего и ужасало.

Только в одном маг был уверен. На этот раз потребуется помощь. Природу зла может понять лишь тот, кто способен видеть и слышать его. Не волшебник – некто другой должен спасти мир от жути, сияющей поглотить все вокруг.

Тому, кто познал тайные пути, изведаль пересечения вселенных, ходы между реальностями, пройти ими ничуть не труднее, чем преодолеть простейший барьер, разделяющий две личности. Однако переход между вселенными совершается редко: мало кто способен повторить удавшуюся формулу.

И все же... настало время для риска.

А потому, пытая и напрягаясь, волшебник выразил свою просьбу, прочной связью скрепив ее с собственным сознанием. И послал по волнам пространства – подгоняя всей мо-

щью, увы, стареющего разума. Просьба эта сама искала того, кто способен постичь суть новой тьмы, ныне грозящей его миру. Отступали в сторону измерения, раздвигались перед ищущей мыслью, пропускали ее.

Волшебник сотрясался от напряжения, разумные ветры завывали около Древа, тянулись к тонкой ниточке жизни. Он знал – все должно свершиться быстро, иначе ищущая нить распадется, так и не встретив союзника. А он даже не смел надеяться на то, что получит возможность повторить попытку.

Но пустота никого не явила. Щупальце заклинания дотянулось до разума... ощутило несколько мыслей... личность. Неуверенно, обессилев от напряжения, отшельник погрузился в глубины ее. Ум оказался на удивление открытым и гибким, восприимчивым и к вторжению, и к выражению. Он чуть ли не рад был соприкосновению, покоряясь, не протестуя и не сопротивляясь; невольно ужаснувшийся такому безразличию, волшебник тем не менее испытывал благодарность. Ум оторвался, поплыл. Доставить его к себе будет уже нетрудно.

Нетрудно... кому угодно, только не стареющему чародею. Ухватившись покрепче, он повлек этот ум за собой, потянул со всей силой, что была в нем, отдавая ее до последней унции. Разум не сопротивлялся, но материализация не прошла гладко. Связь разорвалась в последний момент.

Нет, нет и!.. Но силы иссякли. Подобралась и навалилась

гостья, пусть и нечастая, – дряхлость, сном обволакивала великий и истощенный разум... Ну а пока спал он, зло строило козни, творило планы, гной растекался, и тень поползла на невинные души.

Обитатели Плющей смеялись над незваными гостями. Жутких обитателей Зеленых Всколмий они не боялись, хотя и жили к ним ближе всех цивилизованных народов. Город был обнесен стенами, выроставшими прямо из обрыва. Подойти к нему можно было по одной только узкой тропинке. Утверждали, что от врага город обороняли пять бабок с внучатами.

Так что, когда предводитель смехотворно малочисленного отряда налетчиков потребовал капитуляции, горожане покатались со смеху и принялись швырять в него мусором и поливать содержимым ночных горшков.

– Ступайте домой! – кричали они. – Возвращайтесь в свои вонючие хижины, идите назад – кормить своих матерей пометом, пока мы не залили камни вашей кровью!

Как ни странно, предводитель не рассердился. Некоторые горожане это заметили и встревожились, но все вокруг хохотали.

Вождь вернулся назад к шатрам своего войска, не умалив достоинства. Он знал, что последует дальше.

Наконец перед ним оказался шатер выше и чернее остальных. Тут отвага отказала ему: разговор с обитателями шатра не сулил ничего приятного. Тем не менее войти было нужно.

Так он и поступил.

Внутри шатра царила ночь, хотя снаружи еще было утро... Черная и зловонная ночь, пропахшая всякими мерзостями, ночь, от которой разило близостью смерти.

В глубине над слугами возвышался волшебник. А за ним чернела Купель Зла.

– Прости меня, господин, – начал предводитель солдат свое повествование о пренебрежительном приеме, оказанном ему жителями Плющей.

И как только закончил он, сгорбленный силуэт проскрипел:

– Возвращайся к отряду, доблестный капитан, и жди.

Предводитель поспешно вышел. Он был рад оставить нечистое место и вновь оказаться среди своих солдат. Но беспомощно ожидать перед неприступной скалой, пусть даже покоряясь приказу, было делом нелегким, а горожане дразнили сердитых солдат, смеялись над ними, поворачивались к ним задами.

И вдруг тьма пришла, и небо сделалось медным. Бухнул гром, хотя не было облаков. Великая стена вокруг Плющей исчезла, распалась в пыль вместе со многими ничего не понявшими защитниками. На мгновение оцепенели даже нападавшие, но вспыхнула в них жажда крови, и ринулись они на беззащитный город, предвкушая немалое удовольствие.

Началось избиение, и живых в городе не осталось. Не любивший мяса с наслаждением припадал к лужам крови, вы-

текавшей из тел умирающих.

Потом поспорили, стоит ли сохранить жизнь детям, захваченным в городе, оставлять их на племя. Подумав, предводитель воспротивился. Зачем это ему гнать пискливую стаю похабных щенков в свой Куглух. Кроме того, солдаты заслужили награду, стойко выдержав град словесных и физических оскорблений, нанесенных им жителями уничтоженного города. Так что он велел перебить и весь молодняк.

В ту ночь горели Плющи, а дети пошли на ужин солдатам. Деревянные дома и соломенные крыши пылали всю ночь, до самого утра.

Капитан наблюдал, как догорали последние огни, и с одобрением закивал, когда должным образом упакованное мясо начали грузить для отправки домой. Высасывая мозг из тоненькой ручки, он обратился к летуну:

– Вестник, используй самые быстрые воздушные токи, – наставлял он своего крылатого воина. – Лети скорее в столицу, извести каждого о том, что сгнули высокомерные и насмешливые Плющи, тысячу лет досаждавшие нам. Передай двору и народу, что этот малый успех был полным и что скоро вся мякоть теплых земель станет нашей... Мы захватим запад и все миры, что лежат за ним.

Отдав честь, летун взвился в горный воздух. Капитан посмотрел, как обитатели темного шатра пакуют свои пакости. Колдун как раз приглядывал за погрузкой жуткого предмета, помощью которого воспользовался для разрушения Плю-

щей. Поежившись, капитан отвернулся.

Сила этого зла, познания колдуна принесут им власть над всею Вселенной... если только можно верить самому чародею. И все-таки предводитель предпочитал держаться подалеже от этой жути.

Новые орудия смертоубийства он обожал, но такое, которому подвластны миры...

Глава 1

Одного только роста и наряда хватило б, чтобы обратить внимание его на гигантскую выдру, даже не споткнись она о ноги Меривезера. Ткнувшееся носом и усами в траву создание было всего на фут короче самого молодого человека – это с его-то шестью футами и двумя дюймами!

Джон Том Меривезер еще не видел выдр такого размера. Правда, он изучал историю, а не биологию, однако сейчас мог с кем угодно держать пари: выдра длиной пять с половиной футов – явление необычайное. И хотя в голове его, несомненно, помутилось, он ни на йоту не усомнился в том, что выдра и впрямь может разгуливать в зеленой тирольской фетровой шляпе, жилете из змеиной кожи и темно-бордовых штанах, приспущенных на лодыжках. Джон очень осторожно поднялся, поглядел на окурок, еще дымящийся в правой руке, и с негодованием отбросил его. В данный момент его в основном занимал не вопрос о реальности сего невероятного существа, а то, чего же это дружище Шелли подмешал в травку.

Тем не менее Джон не мог отвести глаз от выдры, тем более что она как раз уселась на задницу. Бархатные штаны навели его на мысль, едва ли вообще приходившую кому-нибудь в голову: у выдр, оказывается, слишком низкая талия.

Нахлобучив на уши тирольскую шляпу с пером, выдра

принялась собирать стрелы, высыпавшиеся из закинутого за спину колчана. Делу мешал короткий меч в ножнах, подвешенный спереди на перевязи. Нагибаясь, выдра всякий раз на него натыкалась. Быстрый кровожадный взгляд, время от времени обращавшийся в сторону Джона, красноречиво говорил, что зверюга без колебаний пронзит его любой из футовых стрел.

Причин для беспокойства пока еще не было. Джон с наслаждением потянулся, отдаваясь галлюцинации. С коноплей у него так еще не получалось, а от этого зелья словил кайф. Все-таки чего же это Шелли натолкал в курево?

Доказательство лукавства приятеля, подсыпавшего чего-то покрепче, возилось в траве перед Томом и, недовольно ворча, собирало стрелы.

Конечно, причиной всему – переутомление мозга долгими занятиями и работой с девяти утра до трех. Но от работы нельзя отказаться. До конца курса осталось только семь недель, а там защита курсовой. Он вновь посмаковал название: «Прототипы и предшественники демократического правления в обеих Америках на примере родственных связей короля-солнца инков в 1248—1350 гг.». Великолепная формулировка... Хорошее заглавие – половина успеха. Пусть работа будет глубокой, а стиль блестящим, но, ошибись в названии, и тебя неминуемо ждет неудача.

Вложив в колчан последнюю стрелу, выдра аккуратно заправила его за спину и, завершив сие, принялась осматри-

вать луг. Острые черные глаза впитывали каждое дерево и куст. Наконец этот бодрый взгляд обратился к сонной личности Джона Меривезера.

Видение явно ожидало от него какой-то реакции, и студент добродушно промолвил:

– Чем же я могу быть полезен тебе, о порождение дневного кошмара?

Вместо ответа зверюга вновь посмотрела на луг, искала что-то взглядом и указала на отдаленную рощицу. Джон лениво глянул в указанном направлении.

Под мшистым валуном, размером и формой напоминающим раздавленный слон «Фольксваген», исчезла ярко-желтая ящерица размером с крупного цыпленка. До камня рептилия бежала на задних лапах, прутот отставив назад свой длинный хвост. Перед входом в нору она обернулась, продемонстрировав ряд розовых пятен на горле и груди, а потом исчезла в безопасном логове.

Реальность происходящего начинала являть свой уродливый лик... Джон понемногу стал воспринимать окружающее. Куда-то исчезла его постель, комната с рядами книг на подпертых кирпичами полках, вырезки на стенах, старенький телевизор... Вместо всего этого его окружал лес: дубы, сикоморы, березы и сосны. Над густой травой и клевером возвышались чашечки цветов вроде тюльпанов, только некоторые были голубыми. От далеких деревьев исходил слабый перезвон, как от храма.

Джон прижал к голове обе ладони. Игриво смеясь, рассудок убежал от него. Молодой человек вспомнил перенесенную боль; тогда ему показалось, что неведомая сила вот-вот вырвет мозг прямо из черепа, а потом он словно поплыл, но не как плывет с курева переработавший труженик. В голове пульсировало.

– Ну? – неожиданно спросила выдра тонким, но все-таки не писклявым голосом.

– Что «ну»?

«Я вот-вот проснусь на собственной постели, – постарался уверить себя Джон, – и нужно будет еще прикончить „Историю всех римских императоров“ Мексики». Нет, не гашиш, решил он. Что-нибудь покрепче. Боже, голова!

– Ты предложил свою помощь, – выдра снова быстро махнула лапой в сторону валуна на опушке. – Я чего, раз я споткнулся о твои чертовы ножищи и упустил затайца, ступай теперь и выкапывай его из-под хренова валуна.

– Зачем? Чтоб ты его съел?

– Зачем? – В голосе выдра слышался чистейший сарказм. – Захотелось вот повязать на шею за обе ноги, да так и носить, как клепаный галстук. – Усы выдра затряслись от ярости. – Ты мне умника не изображай, деловой! Думаешь, раз длинный, значит, все можно?

Небрежно закинув за спину лук, зверюга извлекла свой короткий меч и начала подступать к Джону, и не подумавшему отойти. Разве можно попятиться в глубоком сне?

– А я знаю, что сейчас случится. – Переступив на месте, Джон чуть не упал. – Ты убьешь меня, и я проснусь. Пора бы... Ведь почти целую книгу надо прочитать.

– Рехнулся! – Выдр опасно склонил голову набок, поскреб мохнатой лапой щеку. – Ей-богу рехнулся. – Он огляделся. – И не знаю, какие силы тут бродят, только мне это стоило затайца. Ухожу. Извинился бы, что ль?

– Это за то, что ты споткнулся? – рассудил Джон. – Но я не виноват. Я ведь сплю, сам знаешь...

– Парень, ты не спишь... ты хуже, чем спишь. Это ты от затайца так очумел, а словил бы его, так и потроха разбросал бы от радости. Что за везение, надо ж было вляпаться вот в такое, как ты. Ох, смотри мне, увяжешься за мною, раскрою от хлебала до задницы, чтобы ускорить дело. Можешь остаться при своих поганых извинениях, только прими-ка тогда подарочек на прощание.

И с этими словами сновидение ткнуло мечом прямо в Джона. Меч прорезал рубашку как раз над поясом, поддерживающим джинсы. Острая боль ожгла бок, вечернее куриво лишь в малой степени смягчило ее. Рот сам собой округлился в удивленное «о». Руки немедленно сжали ребра.

Выдр отвел меч – кончик его побагровел – и брякнул клинок в ножны, предварительно обтерев о высокую траву. И направился прочь от Джона, бурча себе под нос непристойности. Джон следил, как, раздвигая траву, выдр идет к деревьям.

Боль становилась сильнее, на голубой тенниске проступило кровавое пятно. Теплая влага намочила белье, струйкой потекла по ноге. Поверхностные раны – пустяк, они всегда обильно кровоточат, объявил себе Джон. Только больно же, в отчаянии подумал он.

Боже, только бы поскорее проснуться!

Но если он все-таки спит, для сновидения боль эта слишком реальна, она куда реальнее и деревьев, и выдры. Оставляя на траве алые капли крови, Меривезер захромал за обидчиком.

– Эй, минуточку... Подожди, пожалуйста! – Слова едва лезли из пересохшей глотки... Он ощущал волчий голод. Зажимая левой рукой раненый бок и размахивая правой, Джон ковылял за выдрой. Под ногами его пригибался благоуханный клевер, летучая мелочь выпрыгивала из-под сандалий, чтобы поскорее нырнуть обратно в зелень.

Ярко светило солнце. На лугу птицы пели странные песни. На тюльпанах восседали бабочки с прозрачными яркими крылышками.

Добравшись до опушки, выдр остановился под тенистым сикомором и, чуть помедлив, наполовину выдвинул меч из ножен.

– Человек-демон, я не боюсь тебя. Только подойди, снова получишь.

Но, несмотря на проявленную на словах отвагу, зверюга медленно пятилась в лес, беспокойно оглядываясь по сторо-

нам и пытаюсь отыскать путь к отступлению.

– Я не собираюсь нападать на тебя. – Джон шептал наполовину от боли, наполовину от нежелания испугать зверя. – Мне только нужно проснуться. – На глазах его выступили слезы. – Пожалуйста, дай мне проснуться. Я хочу поскорее оставить этот сон, мне пора на работу. И, ей-богу, больше ни сигаретки. Больно.

Он оглянулся, надеясь увидеть за спиной привычный беспорядок и грязь, потрескавшийся потолок, немые окна. Но взгляду его предстали деревья, странные тюльпаны и стеклянные бабочки. Узкий ручеек протекал как раз там, где следовало бы находиться кровати.

Повернувшись спиной к выдре, Джон шагнул вперед, споткнулся о камень и упал от нахлынувшей слабости – кровь то вытекала. В ноздри пахло мятой и вереском.

«Боже милостивый, не дай мне умереть во сне...»

Когда он открыл глаза, все как будто было в порядке. Светло. Выходит, он уснул и проспал целую ночь, томик Мексики так и остался неоткрытым. А в восемь часов у него урок в бразильском посольстве.

Судя по яркости света, времени едва должно хватить на то, чтобы кое-как очнуться, собрать книжки, конспекты и топтать в кампус¹. Еще надо перемолвиться с Шелли: надо же предупреждать, если у тебя такое крепкое зелье.

Странно только, с чего так режет в боку.

¹ Кампус – территория университета.

– Вставать надо, – неразборчиво пробормотал он.

– Ну че, шеф, – отвечал ему голос, явно не принадлежащий Шелли, но тем не менее уже знакомый. – Не колдуется, а? Бухнулся, а? Прямо башкой?

Веки Джона с трудом поползли вверх, как старые растрескавшиеся пластиковые шторы. На него глядела усатая и мохнатая физиономия с бегающими черными глазками под остроконечной зеленой шляпой. Глаза Джона расширились, подробности сна закопошились в его голове. Физиономия зверя отодвинулась.

– А теперь вот чего я тебе скажу... Не моги даже пробовать на мне твои бесовские штучки... если они у тебя имеются.

– Я... – Джон не мог решить, чему уделить внимание: шишке ли на голове, или боли в боку. – Я – не демон.

Выдра издала удовлетворительный смешок.

– Вона как! Тока я этого и не думал. С самого начала. А вот как вышло: во-первых, демона так не подранишь, да и потом, он за тобой на пузе не станет ползти. Худшего левитатора, чем ты, я не видел. Значит, я тебя переоценил, осерчал вот, потому как упустил из-за тебя харч. Пустячную царапину-то, которой я тебя наделил, пришлось перевязать. Ерунда! Выходит, что ты всего только человек, так? Значит, без обид, друг?

Джон поглядел на свое тело. Рубашка была задрана, бок закрывала грубая повязка из какого-то волокнистого мате-

риала, поверху перехваченная шнурком из змеиной шкурки. Под повязкой-то и ныло. Ему казалось, что он – просто манекен для тренировок по оказанию первой помощи.

Весьма осторожно усевшись, Джон вновь обозрел окрестности. Они ничем не напоминали его обиталище. Крохотная квартирка уже казалась столь же желанной и недоступной, что и небеса.

В тени сказочных деревьев росли цветы, которые могут только присниться. Густая трава и голубой клевер упруго пружинили под ногами. В ветвях над головой пели птицы из тридесятого царства... Только это были не птицы. У них были чешуйки, зубы и коготки на крыльях. Джон молча глазел, и стеклянная бабочка уселась на его колено. Помахала сапфировыми крылышками и взлетела, едва он робко протянул к ней ладонь.

Жилистые руки приподняли его, подхватив под мышки. Выдра зашла сзади.

– А ты большой у нас... Дай лапу, приятель.

С помощью выдры Джон поднялся на ноги. Он слегка пошатывался, но туман в голове начал развеиваться.

– А где моя комната? Где же университет? – Он обернулся кругом; со всех сторон его окружали деревья, за которыми не угадывалось ни одного здания. Вновь нахлынули слезы, удивив этим самого Джона, всегда гордившегося собственным самообладанием. Выходит, он заблудился, да еще жутким, немислимым образом. – Где я? Что ты... Кто ты?

– Хорошие вопросы, приятель. – «Забавный тип, – подумал выдр. – Надо быть внимательным». – Что до комнаты и университета, не знаю. А вот где мы, сказать просто. Вокруг тебя Колоколесье – это любой дурень знает. Мы с тобой шас в двух днях ходьбы от Линчбени-града, а имя мое – Мадж. Ну а твое, сэрра, если у тебя такое найдется?

Джон тупо отвечал:

– Меривезер. Джонатан Томас Меривезер.

– Джинтин Тос Мивос... Джонет Омас Морвоз... Не, друг, так не пойдет. Это что ж, по-твоему, и впрямь имя? Пока выговоришь, дважды спляшешь вокруг стройных мохнатых ножек Фелисы, которая соблазнила больше мужиков, чем числится чиновников в Поластринду. Я тя буду звать Джон-Том, если ты не можешь обойтись одним именем... Не возражаешь? Два еще ничего, но чтоб три... Не, три имени – это уши свернешь, пока разберешь.

– Колоколесье, – тем временем бубнил растерявшийся юнец. – Линчбени... Линчбени – это, наверное, где-нибудь возле Кулвер-Сити? У Южной Бухты?

Выдр взял обеими ладонями руки Джон-Тома и стиснул изо всей силы.

– Ну-ка, парень, – сурово проговорил он. – Не знаю, набрался ты или свихнулся, но свое держи при себе. У меня нет времени заниматься твоими делами, попу там утирать или слезы. Ты взаправдашний, как и я сам, но если будешь глядеть на себя такими глазами, действительно превратишь-

ся в покойника, червей кормить будешь... Ну что нам в том, откуда ты здесь взялся? Понял меня, а, парень?

Джон-Том перестал хлюпать носом и разом обрел подходящий ему возраст. «Сиди тихо, – одернул он себя самого. – Придется принять все как есть; потом разберусь. Следуй логике и молись – только бы проснуться... Хоть на больничной койке. Но, снится эта зверюга или нет, не стоит быть смешным, даже если перед тобой только порождение собственного воображения».

– Так-то лучше, – выдр выпустил трясущиеся руки юноши. – А то бормочешь названия, каких я даже не слышал. – Вдруг он всплеснул коротенькими передними лапами и с восторгом подскочил в воздух. – Ага, понятно! Как это я, крысоголовый дурень, сразу не догадался! Клотагорбова работа. Опять старый пьянчуга принялся за фокусы с основами природы. – Выдр мгновенно преисполнился симпатии к Джон-Тому и, топорща усы, закивал, обращаясь к юноше, раскрывшему от изумления рот.

– Щас-щас, бедолага, теперь все ясно. Понятно, откуда ты вылупился, ничего не зная, не понимая. А я-то думал... – Он поскреб землю носком сапога, раздвигая цветы. – Тебя сюда приворожили.

– Приворожили?

– Ага! Ну че опять зенки выкатил, шеф? Не думаю, чтоб дела твои были плохи. Старина Клотагорб у нас дока, прямо тебе доцент-процент, ему-то не занимать ума, мастеровито

колдует, ежели трезв и в своем уме. Старееет вот тока, путает все – а этого в нонешнее время нельзя. Иной раз и не поймешь, чего он хотел. И не так уж и стар, просто ошибаться начал... С каждым может случиться. Сам-то я держусь от его дома подальше. Понял? И все, у кого есть мозги в голове, тоже. Как знать заранее, каким дурацким заклинанием тебя зацепит.

– Значит, волшебник он, – пробормотал Джон-Том. – Трава, деревья, выдр... Одетая зверюга на задних лапах... Караул, пожар! И что – неужели все это реально?

– Я ж тебе все сказал, не понял, что ли? Эй, парень, прочисть-ка уши. Буду я все тебе повторять по два раза. Или ты тупой?

– Это я тупой? – Джон-Том слегка возмутился. – Видишь ли, я в смятении. Просто в тревоге. Если честно – я безумно испуган. – Рука его задумчиво опустилась к раненому боку. – Но я не тупой.

Выдр пренебрежительно фыркнул.

– А ты вот знаешь, кто был президентом Парагвая с 1936 по 1941 год?

– Не. – Мадж шевельнул носом. – А ты можешь сказать, сколько булавок может сплясать у ангела на голове?

– Нет, но... – Джон-Том помедлил, нахмурился. – Говорят ведь не так: сколько ангелов может разместиться на булавочной головке.

– Умником себя считаешь, – присвистнул Мадж. – Хоро-

шо, огня я не вызову – я ж даже не ученик, но булавки – те у меня спляшут.

Запустив лапу в карман жилета, он извлек оттуда пять небольших серебряных булавок. Каждая была длиной около дюйма. Выдр неразборчиво пробормотал какие-то слова и сделал пару пассов над ними. Поднявшись на острия, булавки исполнили на его ладони вполне респектабельный кекуок.

– Аллеман налево, – скомандовал выдр. Булавки выполнили распоряжение, нечетная пятая с некоторой неуверенностью, ибо ей мешало отсутствие партнера.

– Вечно не могу справиться с этой пятой. Видишь – дело только за головой ангела.

– Очень интересно, – отозвался невозмутимо наблюдавший Джон-Том, прежде чем потерять сознание...

– Вот что, шеф, ты с этим делом кончай, не то хребет у тебя в пилу превратится, пойдет зубцами, как вершины Когтей Килкапнийских. А о мехе твоём и говорить нечего.

– О моем мехе? – Перекатившись на живот и встав на колени, Джон-Том два раза глубоко вздохнул, затем поднялся на ноги. – А... – и он пригладил рукой длинные, до плеч, кудри и привалился к плечу услужливого выдра.

– Хоть и мало его у вас, у людей, а лучше все-таки его побережь. – Мадж выпустил руку Джон-Тома. – Что до меня, так уж лучше лишай.

– Мне пора возвращаться домой, – устало пробормотал Джон-Том. – Я не могу здесь больше. Меня ждут работа, за-

нятия... наконец, у меня свидание вечером в пятницу, и мне надо...

– Все эти твои делишки в ином мире меня не интересуют. – Мадж указал на повязку. – Рана не тяжелая, парень, и если ты хочешь, то спокойно мог бы убираться восвояси. А раз тебе желательно домой, пойдём-ка лучше к Клотагорбу. Лучше я тебя ему сдам. У меня и собственных дел по горло. Иттить можешь?

– Могу... Значит, идем к... волшебнику? Ты зовешь его Клотагорбом?

– Да, парень, к волшебнику, так оно и есть. Вечно с ним одна маета. Берется за всякие там силы, с которыми и управиться уже не может. Не сомневаюсь, приятель, ты здесь оказался не без его помощи. И он должен отослать тебя обратно, пока чего худого не приключилось.

– Я сам в состоянии о себе позаботиться. – Для его лет Джон-Том путешествовал, пожалуй, довольно много; он гордился своим умением приспособливаться к экзотической обстановке. Объективно говоря, все, что он видел вокруг, трудно было считать более чуждым человеку, чем, скажем, верховья Амазонки, а уж, например, Манхэттен – место, в любом случае куда более опасное. – Пошли искать твоего волшебника.

– Вот это правильно, шеф. – Высокий юноша все еще казался Маджу скулящим сопливым младенцем. – Вот-вот оно все и уладится, быстренько, значит.

В лесу главенствовали дубы и сосны, высоко вздымавшиеся над сикоморами и березами. Кое-где, как показалось Джон-Тому, попадались ели. Лес являл собою истинный ботанический кошмар, хотя отсутствие необходимых познаний не позволило юноше заметить это.

Вокруг изобиловали эпифиты², грибы – гигантские и обыкновенные. С разбросанных в зарослях бурых и зеленых лоз осыпались ягоды... черные, алые, ярко-зеленые. Невысокие деревья листвой походили на вязы, только синяя кора их отливала радугой.

Стеклянные бабочки порхали всюду, разбрасывая прозрачными крылышками радужные огоньки среди ветвей. И все было вполне на месте, все казалось естественным, даже позвякивавшие на ветру колокольчики, что выглядели из листьев неведомого дерева, давшего имя лесу.

Прохладный лес с его бодрящим запахом мяты уже стал для Джон-Тома почти привычным, когда юноша наконец впервые увидел вблизи здешнюю «птицу». Она с любопытством разглядывала идущих, сидя на невысоком кусте.

Сходство с птицей ограничивалось перьями. В маленькой пасти виднелись острые мелкие зубки, между которыми проскальзывал длинный раздвоенный язычок. Выпустив ветку из когтистых лап, пернатая рептилия (а может быть, чешуйчатая птица?) сделала кружок-другой над их головами. Потом испустила чарующую трель, напомнившую Джон-Тому

² Эпифиты – растения, селящиеся на ветвях и стволах деревьев.

пересмешника. Однако существо это было весьма похоже на то, что исчезло на опушке под валуном, и по виду явно приходилось родней не зяблику, а гадюке.

Промелькнул в воздухе камушек, с возмущенным криком крылатое недоразумение исчезло среди деревьев.

– Зачем это ты, Мадж?

– Сэрра, да она у нас над головой кружила. – Выдр с пригорбьем покачал головой. – Чтой-то ты у меня глуповат. Или в твоём мире летуны никогда не гадят на головы прохожим? А может, у тебя есть какие-нибудь колдунские основания желать, чтобы тебе наложили на шляпу?

– Нет. – Джон-Том попытался заслужить уважение выдра. – Вот у нас птицы – так они способны на это. Признание вызвало реакцию неадекватную.

– Птицы? – Голос выдра был полон неверия, усики нервно шевельнулись. – Да ни одна уважающая себя птица не осмелилась бы нанести нам подобное оскорбление! Тада она окажется перед Советом раньше, чем ты успеешь выпотрошить змею. Ты чего, решил, что мы здесь такие же неотесанные чудища, как Броненосный народ?

– Извини. – В голосе Джон-Тома слышалось раскаяние, однако он явно был озадачен.

– Парень, придется тебе последить за языком, иначе пропкнут, не ровен час... Да похуже, чем я.

Они все шли среди деревьев. Невысокий и кривоногий, как ему и полагалось, выдр шагал, не ощущая усталости.

сти. Джон-Тому иногда приходилось трусить, чтобы только угнаться за ним.

Каждое новое дуновение ветерка заставляло семена внутри колокольчиков на деревьях вызванивать новые и новые мелодии, напоминавшие то рождественские каноны, то драку разъяренных тамбуринов. Мимо прожужжала пара медоносных пчел. Они были до боли обыкновенными, настолько нормальными посреди этого безумного мира, что Джон-Тому захотелось проводить их до улья... хотя бы для того, чтобы своими глазами увидеть, что в стенках его не прорублены редкие крохотные окна, а внизу не хлопают двери.

Мадж заверил его, что это не так.

– Но среди их родни, парень, есть такие, кого лучше по имени не называть. Предупреждаю, – он показал на восток. – За много лиг отсюда, за огромным лесом Поластринду, за истоками реки Вертихвостки, далеко за Мечтравной степью, по другую сторону Зубов Зарита лежит страна, куда народ с теплой кровью не ходит. Никто не возвратился оттуда, чтобы поведать о ней. Эта страна – она не чтоб ее искали, там обитают лишь гнусные духи, мерзкие испарения и всякие гноящиеся твари, позорящие со-бой землю. В этой земле нет животных... таких, как мы. Куглук – вот как она зовется.

– Что-то я не кажусь себе животным, – промолвил Джон-Том, мгновенно позабыв про пчел и удивляясь, что же могло вызвать несомненный страх и отвращение в столь уверенном в себе существе, как Мадж.

– Но и на человека ты не очень похож. – Мадж удивленно присвистнул. – А, забыл! Ты ж здесь чужой, явился из каких-то полнощных земель, где полно разных колдунов. Ты к нам не набивался, и нечего мне надсмехаться над тобой. – Вдруг морда его искривилась, выдр сбился с шага и подозрительно уставился на своего высокого спутника.

– Ваще-то на погляд ты нормальный, и сам тоже говоришь, что нормальный, но ежели замешано колдовство – можно и ошибиться. Эй, приятель, а у тебя взаправду теплая кровь?

Джон-Том споткнулся, схватился за левый бок. Могучая лапа поддержала его.

– Спасибо, – промолвил Джон-Том. – Тебе лучше знать. Ты пролил ее достаточно.

– А че, она действительно показалась мне теплой, тока тогда я не думал об этом. – Выдр пожал плечами. – Впрочем, ты, по-моему, безвредный. Клотагорб скажет, зачем ты ему понадобился.

«Что могло понадобиться этому колдуну от меня? – удивился Джон-Том. – Именно от меня. Почему не от Шелли или не от профессора Стэнхоупа?.. От кого угодно. Почему от меня?»

Он заметил, что они остановились.

– Пришли? – Юноша оглянулся, рассчитывая увидеть какую-нибудь причудливую хижину под соломенной крышей. Но ни хижины, ни вообще чего-нибудь похожего на жильё

не было и в помине. Тут взгляд его остановился на слепых окошках, прорезанных в коре дуба... Высоко над головою из трубы, торчавшей из толстой ветви, струился дымок; меж двух огромных корявых корней располагалась вполне скромная дверь.

Они направились ко входу, и внимание Джон-Тома обратилось наверх.

– Ну, чего там еще? – удивился Мадж, заметивший, что спутник его более не внимает подробному перечню странностей Клотагорба.

– Там птица, на этот раз – настоящая.

Мадж безразлично глянул на небо.

– Конечно, птица. А чего ты ожидал?

– Какую-нибудь полуптицу-полуящерицу вроде той, что мы видели. А эта похожа на настоящую птицу!

– Во, умный какой, тока лучше порадуйся, что эта птица не слышит твои речи.

Перед ними была малиновка с размахом крыльев примерно в ярд. На ней был жилет из желто-зеленого сатина, шляпа, почти как у Маджа, и красно-коричневая юбочка-килт. На ремне через грудь висела сумка. Глаза птицы защищал полупрозрачный козырек с буквами неизвестных начертаний.

В трех этажах над землей из ствола дерева торчала жердь для посадки. Уверенно затормозив, малиновка опустилась на нее. На удивление ловко орудуя кончиками крыльев, птица извлекла из сумки на груди несколько небольших цилин-

дриков. Должно быть, это были свитки.

Птица сунула их в темное углубление – щель или узкое оконце в стволе. Потом дважды пронзительно вскрикнула, как те малиновки, что частенько посещали акацию в кампусе рядом с Кинси-холлом.

Склонившись к щели, он – это был самец – приложил к клюву кончик крыла и вполне отчетливо закричал:

– Эй ты, дурак, поднимай свою толстую задницу и иди за почтой. Уже за три дня скопилась и прееет напрасно. Если завтра я опять увижу здесь эту кучу, сволоку ее к себе в гнездо! – Засим последовала череда непристойных ругательств, явно не соответствовавших мягкой окраске и внешне благородным манерам. Самец малиновки отвернулся от щели, что-то бормоча.

– Гораций! – завопил выдр. Птица поглядела вниз и, слетев с насеста, описала над ними круг.

– Мадж! Шо ж это деетси? – Голос напомнил Джону интонации, частенько слышанные им в другом экзотическом уголке реальности, именуемом Бруклином. – Чего-то тебя давно не видать?

– Охотился я, вот что.

– А умору эту ты где раздобыл?

– Долго рассказывать, приятель. Я тя правильно понял, старого хрена уже три дня дома нет?

– Да внутри он, нормалек, – отвечала птица. – Все мешает чегой-то да колдует. Я-то знаю – из почтового ящика каждый

раз разит по-новому. А не забежишь на червячка, а?

– Извини, старина, мне по вкусу больше раки и устрицы.

– Да знаю я. Только что не спросить лишний раз. – Самец малиновки, склонив голову набок, с надеждой поглядел на Джон-Тома. – А ты, приятель?

– Боюсь, что нет, – отвечал тот и со стремлением угодить покопался в карманах. – А как насчет барбариски?

– Это ты насчет ягод? Спасибо, ягод наелся – во. Просто жопой сидел в них.

Поглядев на Джон-Тома еще немного, самец малиновки отвесил всем церемонный поклон.

– Завидую я им, птицам. – На физиономии Маджа действительно была написана зависть. – На крыльях-то быстрее, чем ноги топтать. Ох, только бы они взаправду были – руки и ноги. С этим, шеф, не поспоришь, – буркнул Мадж, подступая к двери. – Вот, начинается. Слушай, Джон-Том, – прошептал выдр, – теперь веди себя хорошо; старина Клоутагорб для волшебника просто тихоня, только они и так все свихнувшиеся. Вот глянет на тебя и сразу в навозного жука превратит. Так што незачем их раздражать, в особенности если волшебник настолько могуществен и стар, как этот Клотирыл.

Выдр постучал в дверь, не получив ответа, нервно постучал снова. Подметив неуверенность в движениях животного, Джон-Том решил, что, невзирая на неуважительные шутки и прозвища, выдр сильно боится волшебника и всего, что мо-

жет быть с ним связано. Ожидая, выдр переминался с ноги на ногу и дергался. Джон-Том подумал, что, пожалуй, не видел выдра стоящим неподвижно. Не обращая внимания на боль в боку, молодой человек распрямился, стараясь выглядеть респектабельно.

Вот-вот дверь, заскрипев, начнет отворяться, и перед ним, Джон-Томом, окажется существо, способное творить чудеса, во всяком случае, с точки зрения Маджа. Нетрудно было представить его: шесть с половиной футов роста, свободное пурпурное одеяние, испещренное волшебными знаками... Украшенная звездами остроконечная шапка на величественной голове. И лицо, строгое, морщинистое, над белой длинной бородой. И еще толстые очки.

Дверь отворилась внутрь со зловещим скрипом.

– Доброе утро, – начал Джон-Том, – мы... Остатки тщательно задуманного приветствия застряли у него в горле; в ужасе он шагнул назад, споткнулся и упал. Что-то дернулось в боку, и он вновь ощутил там влагу. Сколько же, подумал Джон, придется еще терпеть эту рану?.. Вдали от медицины и родного дома. Так нетрудно и умереть в этом на первый взгляд уютном местечке.

Чудище, объявившееся в открытой двери, двинулось к нему, а он пытался хотя бы ползком убраться, скрыться, спрятаться...

Глава 2

Мадж с пренебрежением глядел на своего подопечного, в голосе его слышались раздражение и неловкость.

– Вона, опять кувыркнулся, чегой-то с тобой приключилось? Это ж Пог.

– П-п-пог? – Джон-Том не в силах был отвести взгляд от висящего над ним жуткого существа.

– Фамулус это, ученик то есть Клотагорбов. Надо ж быть таким трусом. Он...

– Ниче, – проговорила огромная черная летучая мышь. – Мне-до чдо! – Задевая кончиками крыльев за косяки, летучее создание отодвинулось внутрь. На свету блеснули четыре острых клыка, мелькнули огромные розовые уши. Голос летучей мыши был невероятно грубым, он скрежетал и грохотал, словно целый гравиевый карьер.

– Я знаю, я не красавец. Долько вод из-за эдого еще никдо не валился передо мной с ног.

Он подлетел ближе к Джону и повис в воздухе.

– Эй, друг, а ды и сам на морду-до не бог весть чдо.

– Пог, ты помягче с ним. – Голос Маджа звучал умиротворяюще. – Его ж приколдовали из какого-то мира; да и ранен он. – Выдр дипломатично не афишировал, что сам нанес рану юноше.

Джон-Том неловко поднялся на ноги. По левой штанине

стекала густая и теплая струйка кларета.

– Клоутагорб чегой-нибудь привораживал из иных миров?

– Сегодня он трезвей обычного, если ты про эдо. – И летучий мыш пренебрежительно фыркнул.

Из глубины дерева послышался густой и гортанный, пусть и чуть дрожащий, голос, который, как сразу инстинктивно понял Джон-Том, принадлежал волшебнику и наставнику.

– Кто там, Пог?

– Эдо Мадж, выдр-охотник, хозяин. С ним какой-то раненый человек совершенно гнусного вида.

– Ты сказал, человек? – В голосе послышалось возбуждение. – Давай их внутрь, веди сюда.

– Пошли, – коротко велел Пог. – Приспичило ему видеть вас. – Крылья его были побольше, чем у малиновки, и едва не касались косяков.

– Друг, с тобой все в порядке? – Мадж поглядел на шатающуюся фигуру своего невольного спутника. – И что тебя дернуло... Опять припадок. Пог вовсе не дурней любой летучей мыши, с лица то есть.

– Это... это не внешность виновата – его размеры. Там, откуда я родом, таких летучих мышей считай что и нет.

– Ну, Пог-то у нас среднего роста будет. – Мадж переменял тему. – А ты шагай, шагай себе, тока постарайся пол кровью не запачкать.

Отказавшись от помощи выдра, Джон-Том ковылял следом за ним. Уже коридор потряс его, он был чересчур дли-

нен и совершенно точно не мог уместиться в дубе, невзирая на большой диаметр ствола. Потом они вступили в комнату высотой не менее чем в двадцать пять футов. Вдоль стен выстроились книжные полки, уставленные старинными томами чуть ли не всех возможных форматов в разнообразных переплетах. На дюжине жаровен трещали благовония, но и они не в силах были умерить наполнявшую залу тошнотворную вонь.

Между книгами расставлены были покрытые странными пятнами сковороды и чаши, стеклянные фиалы, горшки со всякой дрянью и прочие пакостные предметы. Со стен ухмылялись черепа, разнообразно обработанные и украшенные. К ужасу Джон-Тома, иные из них оказались человеческими.

Через окна лился топазовый свет, от которого высокая зала казалась окрашенной золотом и янтарем; в лучах танцевали пылинки. Пол был сложен из деревянных плашек. В центре теснилась кое-какая мебель из тяжелого дерева, обтянутая ящеричной кожей.

Две распахнутые настежь двери вели в другие комнаты.

– Невероятно, – глухим шепотом обратился Джон к Маджу. – Деревяно-то не хватит и на одну эту комнату, а тут еще и коридор, и другие залы.

– Э, шеф, правда, неплохо сработано? – В голосе выдра слышалось известное уважение, но далеко не трепет. – Известно, решил себе проблему пространства, так ведь? Я такое видал в городах, в нескольких богатых домах. Не совру –

одно первое заклинание недешево стоит, а ведь его еще нужно подновлять. Постоянно замкнутые гиперразмерные вихри – это тебе не какая-то дешевка, вот так.

– Почему же они недешевы? – тупо проговорил Джон-Том, не сумев придумать ничего более умного перед лицом пространственного абсурда.

Мадж заговорщицки смотрел на него.

– Инфляция.

Оглядевшись, они увидели Пога, возвращавшегося из другой комнаты.

– Говорид, чдо выйдед через минуду-другую.

– А в каком он настроении? – Джон-Том с надеждой поглядел на летучего мыша.

– Вполне в благоразумном. – Зависнув в воздухе, мышь потянулся крошечной когтистой лапкой к сумке на груди – она была куда меньше, чем у малиновки, – и извлек оттуда небольшую сигару. – Огонек найдется?

– Кремни кончились, приятель.

– Секундочку. – Джон-Том принялся взволнованно рыться в карманах джинсов. – Вот. – Он извлек оттуда дешевую разовую зажигалку.

– Интересно, – бросил Мадж, поглядев.

– Ага. – Пог подлетел поближе. Джон-Том заставил себя не обращать внимания на острые как бритва белые клыки. – Никогда не видел дакой огнетворки. – Мышь перекинул сигару в другой уголок рта.

Джон-Том крутанул колесико. Пог раскурил сигару, удовлетворенно пыхнул дымком.

– Дай-ка поглядеть, парень. – Джон-Том передал зажигалку. Выдр покрутил ее в лапах. – А как работает?

– А вот. – Джон-Том снова крутанул колесико. Посыпались искры, но огонька не было. Он поглядел на прозрачный корпус. – Кончился бензин – жидкость то есть.

– Завяз на половине заклинания? – В голосе Пога слышалась симпатия. – Ничо. Ксдади, спасибочко за огонек. – Он открыл рот, выдувая квадратики дыма.

– Заклинания тут ни при чем, – запротестовал Джон-Том. – Все дело в горючей жидкости.

– На твоём месте я потребовал бы деньги назад, – порекомендовал выдр.

– Я бы и сам охотно вернулся назад. – Джон-Том поглядел на запястье. Часы тоже встали. Надо бы сменить батарейку. Он поднял руку. – Слышать больше не хочу о всяких там заклинаниях. – Мадж пожал плечами, одарив Джон-Томом взглядом, каким в семье смотрят на родственника-идиота.

– Ну где же этот старый лежебока? – спросил Джон-Том у Пога.

– Эй, там! – прогремел могущественный голос.

Со страхом, опасаясь, что последние слова его были услышаны, Джон-Том медленно обратился лицом к знаменитому Клотагорбу.

Не было ни просторного одеяния, ни белой бороды, ни остроконечной шапки, ни загадочных знаков на одежде. Впрочем, очки в роговой оправе были там, где положено. Непонятным образом они удерживались над широким округлым клювом, как раз над крошечными дырочками ноздрей. Очки не имели дужек, цепляющихся за уши, – у черепах не бывает ушных раковин.

В короткопалой руке была толстая книга. Клотагорб направился к ним вперевалку. Он был, пожалуй, на целый фут короче, чем Мадж.

– Сэр, я не хотел бы показаться невежей. – У Джон-Тома хватило присутствия духа на эти слова. – Я не знал, что вы в комнате, я здесь чужой и вообще...

– Ш-ш, мальчик, – Клотагорб улыбнулся, движением руки отмахиваясь от извинений. Голос его сделался обычным, колдовской гром исчез из него. – Меня не так-то легко обидеть. Иначе вот с ним я не смог бы ужиться. – И он ткнул большим пальцем в сторону Пога. – Минуточку, будьте добры.

Волшебник глянул вниз, Джон проследовал за ним взглядом, заметив маленькие ручки на пластинах панциря волшебника. Клотагорб по очереди потянул за них, открыл наконец несколько ящиков... что-то искал там, бормоча извинения.

– Иначе я наверняка потеряю все самое важное – все самые необходимые жидкости и порошки.

– Но как вы... наверное, это больно?

– Да нет же, мой мальчик, – волшебник заразительно захихикал. – Я воспользовался теми же способами, которые дают мне возможность увеличить дерево изнутри, не меняя его снаружи.

– Хвастает, – буркнул Пог, – а парню больно.

– Придержи-ка язык! – Летучий мыш закружился прямо над головой волшебника, но сразу умолк. – Приходится следить за ним: слишком нахален. – Клотагорб подмигнул. – Вот в последний раз я отделал его – мог спать только нужной стороной вверх. Видели бы вы, как он пытался зацепиться ушами, чтобы повиснуть. – Чародей снова хихикнул. – Не люблю сердиться в присутствии гостей. Пусть лучше считают меня добрым. Ну, а теперь, – промолвил он голосом бывалого лекаря, – посмотрим твой бок.

Джон-Том опустил глаза вниз, к неуклюжей ладони волшебника, снимавшей состряпанную Маджем повязку. Пальцы прикоснулись к белевшему сквозь кровь телу, и юноша дернулся.

– Прости. Лучше сядь.

– Благодарю вас, сэр. – Они перебрались на кушетку, ножки которой раньше принадлежали существу совершенно невероятного вида. Джон опустился на нее осторожно – подушки расположены были в какой-то половине фута от пола, по росту невысокого волшебника.

– Колотая рана. – Клотагорб задумчиво поглядел на урод-

ливый разрез. – Впрочем, неглубокая. Сейчас все исправим.

– Вот что, ваше колдовское превосходительство, – вступил Мадж. – Не в обиду вам будет сказано, я всегда слышал, што у волшебников за свои услуги принято брать вперед.

– Сейчас главное не в этом... Как ты себя назвал?

– Не называл я, тока кличут меня Маджем.

– Угу. Говорю тебе: от этого юноши я не буду требовать платы. Лечение будем считать авансом за будущие услуги.

– Услуги? – осторожно глянул Джон-Том. – Какие услуги?

– Судя по тому, чего я видел, едва ли он на что-то годен, – вставил Мадж.

– Я не думаю, что простой рабочий вроде вас, мистер Мадж, может сразу во всем разобраться. – Волшебник надменно поправил очки. – В этом мире орудуют силы, которые только я один способен постичь... Лишь я один обладаю познаниями, необходимыми, чтобы управиться с ними. То, что этот парнишка здесь очутился, – просто кусок огромной опасной головоломки.

Во-во, с триумфом подумал Мадж. Знал бы только, из-за чего пыхтит.

– Должно быть, это тот самый волшебник, которого я призывал вчера.

– Это он-то? – Мадж смеялся, как и положено выдрам, тонким и пискливым голоском, чуть детским. – Шутишь, что ли, приятель?

– Я не позволяю себе шуток в таких серьезных делах, –

скорбно заметил Клоагорб.

– Ну да, тока чтоб этот... Вот так волшебник, даже свою огнетворку не мог заговорить.

Вздыхнув, чародей медленно проговорил:

– Он попал сюда из мира... Вселенной, только внешне похожей на нашу, значит, и волшебство его окажется иным. Я, например, уверен, что в его мире едва ли смог бы воспользоваться своими огромными дарованиями. Вселенные, Мадж, погружены в огромную интерразмерную магию, и чтобы успешно справиться с ней, необходимы помощь и знания тех, кто понимает, как она действует. – Волшебник казался озабоченным, словно на его плечи вдруг обрушился тяжкий гнет, который он предпочел бы скрыть от собеседников.

– Это волшебник, которого я искал. Мне пришлось воспользоваться неопробованными словами, многочисленными интерграммами, редкими формулами, которые трудно даже соединить. Много часов я напрягался, стараясь зацепить его. И уже почти оставил надежду, когда мне вдруг подвернулся этот парящий дух, доступный и свободный.

Мысли Джон-Тома вернулись к куреву... Действительно парил! А с чего эта черепаха решила, что он, Джон-Том, колдун и волшебник?

Из-за толстых стенок очков на него глянули острые проницательные глаза.

– Ну-ка, скажи мне, мой мальчик, в твоём мире волшеб-

ников и магов называют словом эн'джинер, так ведь?

– Эн'джи... инженер?

– Да, наверное, ты произносишь точнее.

– Наверное, это достаточно полная аналогия.

– Вот видишь. – Волшебник с уверенностью повернулся к

Маджу. – И своими услугами он расплатится со мной.

– Но, сэр?..

Однако Клотагорб исчез за высокой стопкой книг. Послышалось звяканье.

Мадж подумал, что лучше бы ему вовсе не видеть того затайца, а тем более – этого хилого молодца. Он поглядел на сторбившегося на кушетке молодого человека. Одно слово – Джон-Том... Но чтобы он был волшебником? Впрочем, имея дело с магами, не следует верить своим глазам. А людям простым лучше держаться подальше от чародеев.

Как может быть волшебником неумеха, неспособный заговорить простую огнетворку, не говоря уже о том, чтобы залечить себе бок? Парнишка казался испуганным и потерявшимся... Разве настоящий волшебник станет вести себя подобным образом? Правда, лучше все-таки подождать – что, если Джон-Том еще не открыл всех своих способностей? Ну а если вдруг они проявятся... лучше заранее позаботиться о том, чтобы Джон-Том позабыл, кто проделал ему дырку в боку.

– Вот что, парень, не слушай ты, чего Клотагорб тут говорит об оплате. Сколько ни будет стоить – уладим. Я отвечаю.

– Мадж, ты очень добр.

– Э, знаю, о деньгах с ним лучше не говорить.

С керамическими бутылочками и странными кувшинчиками и горшочками появился волшебник. Аккуратно разместил весь набор на полу перед кушеткой. Выбрал несколько штук, смешал их содержимое в небольшой медной чаше, поставив ее на пол между ступнями Джон-Тома. Бросил в мутную лужицу на дне чашки щепоть желтоватого порошка и что-то едва слышно пробормотал. Мадж и Джон-Том мгновенно зажали ноздри: получившаяся каша изрядно смердела.

Добавив щепотку голубого порошка, Клотагорб перемешал смесь и начал залепливать ею открытую рану в боку Джон-Тома. Осознав, что боль утихает, тот постарался забыть о всяких инфекциях.

– Пог! – Клотагорб прищелкнул короткими пальцами. – Принеси мне небольшой тигель. Тот, у которого на боках выгравированы знаки солнца.

Джон-Тому вроде бы показалось, что летучий мыш буркнул под нос: «Мог бы и сам смотаться дуда и обратно, за жиревший ленивый улиткин сын». Однако нетрудно было и ошибиться.

Впрочем, возвратившись с тиглем, Пог молча поставил его между Джон-Томом и волшебником и, взмахнув крыльями, устремился подальше.

Клотагорб переложил образовавшуюся пасту в тигель, до-

лил зловонной жидкости из высокой черной бутылки с осиной талией, добавил щепотку коричневого порошка, достав его из ящика под правой рукой. «Интересно, а у него там никогда не зудит?» – подумал Джон-Том о встроенном в волшебника шкафчике.

– Черт, что же я сделал с этой палочкой... а?

Небольшой палочкой из черного дерева, инкрустированной серебром и аметистами, чародей помешивал смесь, непрерывно бормоча под нос.

Паста внутри тигля обрела консистенцию густого супа и засветилась глубоким изумрудным светом. На поверхности ее взрывались пузыри, отражавшиеся в округлившихся глазах Джон-Тома. Теперь смесь припахивала корицей, а не болотным газом.

Обмакнув палочку в жижу, волшебник попробовал ее на вкус. Удовлетворившись, он взял палочку за оба конца и начал поводить ею над шипящей гущей. Искры на поверхности стали вспыхивать сильнее и чаще.

Клетки-бактерии,

Красные – в мышцы, синие – в кровь.

Резинация, агглютинация, конфронтация,

Высшая связь.

Нервам – пироксин, заразе – пенициллин.

Осы боли, растворяйтесь, ткани рваные, склеивайтесь.

Джон-Том слушал в полном смятении. Ни тебе гортанных

фраз, ни хвоста тритона, глаза летучей мыши, крови паука, бычьих рогов... Конечно, неизвестно, из чего на самом деле состоят жидкость и порошки, которыми пользуется волшебник. В ворожбе прозвучали слова – пироксин, пенициллин, агглютинация – подобной чушью, выписывая рецепт, любят улаживать себя доктора.

Как только голос волшебника смолк, Джон-Том поинтересовался этим и получил ответ.

– Это волшебные слова, мой мальчик.

– Но ведь они обозначают нечто... Реальные вещи, я хочу сказать.

– Конечно же. – Клотагорб глядел на Джон-Тома так, словно его вдруг обеспокоило состояние рассудка юноши. – Что может быть реальнее основ магии? – Он кивнул в сторону часов. – Я сразу не распознал, что у тебя устройство для измерения времени, и не сомневаюсь, что ему можно верить.

– Но часы же совершенно неволшебная вещь.

– Так ли? Объясни тогда мне, как они работают?

– Ну, они кварцевые, там текут электроны... то есть... – Джон-Том сдался. – Это не по моей специальности, но часы работают на электричестве, а не на магических формулах.

– В самом деле? Я знаю много электрических формул...

– Но чертовы часы работают на батарейках!

– А что внутри этой штуковины ты называешь батарейкой?

– Запас электроэнергии.

– А разве он не записывается какой-то формулой?

– Конечно, записывается, только эта формула математическая, а не магическая.

– Конечно, по-твоему, математика – не магия? Какой же ты после этого чародей?

– Я же как раз об этом, я... – Но Клоутагорб жестом остановил Джон-Тома, предоставив тому возможность молча кипеть от раздражения против настырной и уверенной в себе черепахи.

Обдумывая слова волшебника, Джон-Том постепенно приходил во все большее смятение.

Крохотные вспышки огненными мотыльками по-прежнему перепархивали по поверхности пасты, однако цвет ее из зеленого теперь сделался желтым, она начала пульсировать. Клоутагорб церемонно отложил палочку в сторону. Поднял тигель, предложил его всем четырем сторонам света, а потом нагнул и выпил содержимое.

– Пог! – Чародей отер пасту с клюва.

– Да, хозяин, – отвечал летучий мыш теперь уже угодливым тоном.

Клоутагорб передал ему тигель, затем медную чашу.

– Вымой.

Приняв оба сосуда, летучий мыш, хлопая крыльями, направился к далекой кухне.

– Ну и как ты себя чувствуешь, мой мальчик? – Клоутагорб с симпатией поглядел на Джон-Тома. – Получше, долж-

но быть?

– Вы говорите, что... все, значит? – Джон-Том решился поглядеть на собственный бок. Уродливая рана исчезла, не оставив следа. Кожа была гладкой и ровной, от остального тела место ранения отличалось только отсутствием загара. До Джон-Тома дошло, что боль тоже исчезла.

Он опасливо надавил на место, откуда только что текла кровь. Ничего. И, открыв от изумления рот, юноша повернулся к чародею.

– Не надо. – Клотагорб отвернулся. – Примитивные похвалы смущают меня.

– Но как?

– Ах, это?.. Ах, мой мальчик, это заклинания исцелили тебя.

– А зачем тогда чаша со всем содержимым?

– Зачем? Просто это мой завтрак. – Волшебник ухмыльнулся, насколько это вообще можно сделать, обладая не ртом, а черепашьям клювом. – И чтобы тебя отвлечь. Некоторым пациентам становится не по себе, когда тело заживает прямо у них на глазах. Иногда это весьма неаппетитное зрелище. Итак, мне нужно было или усыпить тебя, или отвлечь. Последнее проще и безопаснее. К тому же я проголодался. А теперь, по-моему, нам пора обсудить, зачем я притянул тебя в свой мир. Видишь ли, это хлопотливое дело, даже опасное: открывать порталы между измерениями, изгибать пространство-время. Однако придется сперва запечатать эту комнату.

Пожалуйста, отойди подальше.

После неожиданного выздоровления дар речи еще не вернулся к Джон-Тому, и он покорно отступил назад к книжному шкафу. Мадж присоединился к нему, как и возвратившийся Пог.

– Тигли ему мой, – ворчал мыш сквозь зубы. Тем временем Клоутагорб, взяв в руки палочку, начал помахивать ею в воздухе и бормотать под нос нечто таинственное. – И чдо я дуд видел: все ему мой, да убирай, да чисти.

– Если тебе здесь плохо, чего же остаешься? – дружелюбно осведомился Джон-Том. Он уже почти привык к жуткому обличью Пога. – Очень хочешь стать чародеем?

– Да ды чдо! К черду дакое счастье! – Брюзгливый голос Пога сделался возбужденным. Он подлетел поближе. – Я связался со сдарой развалиной, чдобы заработады на полную сохраняющуюся дрансмогрификацию, как эдод говорит. Физию хочу сменить, понял? Осдалося еще несколько лед... а подом можно и плату подребовады.

– А какую перемену ты задумал, приятель?

Пог повернулся к выдру.

– А знаешь ду часть города, чдо в конце улицы Иноходцев? Сдарое здание, чдо надсдроено дама под сдойлами?

– Во, а тебе че там делать? Ты такими вещами не занимаешься. Да и район тот тебе не по карману. – Выдр ухмылялся в усы.

– Признаю, не спорю, – соглашался безутешный Пог. –

Приядель у меня дам, он куш сорвал на гонках и однажды вечерком прихвадил меня дуда, чдобы попраздновадь. Он знаком с мадам Скорианцей, чдо держид дом для крыла-дых. У нее работаед одна девчонка, дак, ерунда, не больше, чем пденчик, соколиночка, другой дакой нед на сведе. Зовуд ее Улейми. Она... – припоминая подробности, Пог так и заплясал в воздухе. – Да она же само великолепие среди всех крыладых, я даких не видал. Какое изящесдво... А перышки... И еще сила какая! Мадж, я думал – помру в эксдазе! – Предавшийся воспоминаниям Пог восторженно затрепетал в воздухе.

– Дока она не заходела имедь со мной дело, если я не расплачусь как полагаедся. А сама чахнед по богадому старому коршуну, он законником в Комариной Роще. И со мной даже пару кругов сделадь не хочед, а сдоид эдому дипу пошевелидь перышком, сразу срываедся... На край сведа поледид, если он пожелаед.

– Тада, приятель, лучше тебе забыть о ней, – посоветовал Мадж. – Есть же другие птицы... симпатичных летучих мышек тоже хоть пруд пруди. Тама в городе есть одна летучая лиса, она меня в любое время крыльями обнимет.

– Мадж, тебе случалось любить, а?

– Конечно, случалось... Много раз.

– Дак я и думал. Значит, нечего надеяться, чдо ты сможешь понять меня.

– А я понимаю. – Джон-Том согласно кивнул. – Хочешь,

чтобы Клоутагорб превратил тебя в самого большого и быстрого сокола во всей округе, так?

– И чдоб клюв был самый большой, – добавил Пог. – Вот потому долька я и кручусь в этой дыре, прислуживая крылом и лапой трясущемуся старому скареду. На постоянную трансмогрификацию мне не скопить. Приходится выслуживать.

Взгляд Джон-Тома обратился к центру комнаты. Трясущийся старый скаред, чудесным образом исцеливший колотую рану в его боку, приглашал их подойти поближе. Свет в окнах быстро гас.

– Ближе, ближе, друзья! – Мадж и Джон-Том подошли к чародею. Пог уже свисал с верхней полки соседнего книжного шкафа.

– Великая беда готова обрушиться на нас, – скорбно проговорил волшебник. В Древе продолжало темнеть. – Я ощущаю это по шевелению червяков в земле, по тому, что шепчут в ветвях ветерки, когда им кажется, что их никто не слышит. Это видно в отпечатках дождевых капель, в том, как первые листья слетают с ветвей, слышно в шелесте зимних саженцев, в том, как нервно ползет на брюхе змея. Облака сталкиваются наверху, засмотревшись на то, что происходит под ними... У самой земли случаются перебои в сердце. Кризис грядет... Беда грозит нашему миру, но гнездится она не здесь, идет она из другого мира... из твоего. – И он ткнул коротким и толстым пальцем в потрясенного Джон-Тома. –

Успокойся, мальчуган, твоей вины тут нет.

В Древе стало темно, как ночью. Джон-Тому уже казалось, что тьма гирей сгибает его шею, или же то ползли неведомые твари, подбираясь все ближе и ближе к покрову мрака, которым чародей укрыл свое Древо?

– Свершилось огромное злодеяние, законы магии и рас-судка вывернуты наизнанку: заклинания жуткой силы протя-нулись из твоего мира в наш, они грозят нашей мирной зем-ле. И моего скромного умения не хватает, чтобы определить природу этой силы и справиться с ней. Лишь великий маг – Эн'джинеер из твоего мира – способен найти ключ к угрозе. Тяжкий это, горестный труд – отпирать порталы между из-мерениями, однако я приступил к поиску подобной особы. Лишь один или два раза в год можно решиться на подобное – столь сильному напряжению подвергается разум. Вот по-чему ты ходишь сейчас среди нас, мой молодой друг.

– Но я же все время пытаюсь сказать – я не инженер.

Клотагорб казался потрясенным.

– Это невозможно. Портал мог открыться лишь для того, чтобы пропустить эн'джинеера.

– Мне действительно очень жаль. – Джон-Том беспомощ-но развел руками. – У меня незаконченное высшее, я учусь на юриста, но собираюсь стать музыкантом.

– Этого не может быть... Во всяком случае, я так считаю. – Клотагорб разом как-то постарел.

– А в чем же суть этого клепаного кризиса? – поинтере-

совался неисправимый Мадж.

– В точности я не знаю. Я уверен только в одном – причину придется искать в могучем колдовстве, вторгшемся из пространства-времени, где обитает этот молодой человек. – Кожистая рука хлопнула по столу. Закачались горшочки и сосуды. Гром заполнил комнату.

– Мое заклинание просто не сработало бы, не будь ты эн'джинеером. Я устал, я искал вслепую, но в этом я не могу ошибиться. – Волшебник глубоко вздохнул. – Молодой человек, вы, кажется, заявили, что являетесь студентом?

– Это правильно.

– Может быть, ты студент-эн'джинеер?

– Очень жаль. Я – юрист. Точнее, буду юристом. Не думаю, что любительское владение электрогитарой позволяет рассчитывать на звание инженера. Еще я убираюсь в... минуточку. – Джон-Том казался озабоченным. – Официально моя должность называется «инженер-сантехник».

Со стоном отчаяния Клотагорб осел на кушетку.

– Так кончается цивилизация...

Оставивший книжный шкаф Пог взмыл над ними, треща крыльями. Он блаженно верещал:

– Удивительно, восхитительно! Волшебник из мусорной кучи! – Нырнув вниз, мыш затормозил и повис перед Джоном. – Приветствие из приветствий тебе, высочайший из волшебников! Оставайся с нами, о могучий, помоги мне избавиться од мусора эдо грязное логово.

– Изыди! – прогрохотал Клоутагорб голосом, более приличествующим горе, чем черепахе. Голос его, исполненный неестественной мощи, наполнил комнату... Джон-Том и Мадж могли только трепетать, Пога отшвырнуло к противоположной стене. Он чуть не свалился на пол, прежде чем смог вновь овладеть трясущимися крыльями. И тут же исчез в боковом проходе.

– Осквернитель истины. – К черепахе вернулся нормальный голос. – И не знаю, почему я терплю его... – Чародей вздохнул, поправил очки и грустно поглядел на Джон-Тома. – Теперь понятно, что произошло, молодой человек. Я не смог точно определить параметры заклинания. Перед тобою старая усталая черепаха. По труду ей и награда. Сколько времени ушло на подготовку! Целых четыре месяца я усердно читал руны, копил необходимые материалы и готовил заклинания, словом, вскипятил полный котел субатомных частиц... И что же? Я получил тебя.

Невзирая на полное отсутствие вины, Джон-Том ощутил себя виноватым.

– Но не волнуйся из-за этого, мальчик. Ты ничего не сможешь сделать. А вот мне придется начинать заново.

– Что же случится, если вы опоздаете, сэр? Что будет, если вы так и не сумеете отыскать помощника, в котором нуждаетесь?

– Быть может, все мы умрем... Пустяки – если поглядеть на это с точки зрения универсальной схемы вещей.

– Всего-то? – саркастически отозвался Джон-Том. – Вот что, у меня там осталась работа. Мне, в самом деле, очень жаль, что я оказался не тем, кого вы ждали. Спасибо, конечно, за мой бок, но истинную благодарность вы получите, если отошлете меня домой.

– Молодой человек, едва ли это возможно.

Джон-Том постарался, чтобы в голосе его не слышалось паники.

– Если вы откроете этот Портал, может быть, я сумею разыскать у себя нужного вам инженера. Любого инженера... В моем университете их полно.

– Не сомневаюсь в этом, – благосклонно промолвил Кло-тагорб. – Иначе Портал не наложил бы на ткань вашего мира в этом самом месте и времени. Рыбачил я там, где надо. Просто подцепил не то, что нужно. А отослать тебя назад – тут дело не в моем желании, а во времени и подготовке. Вспомни, я же только что сказал, что на подготовку такого заклинания уходит несколько месяцев. Теперь придется отдыхать... с год или более, прежде чем я осмелюсь попробовать еще раз. Ну а когда я рискну, боюсь, что мне придется заняться делом более важным, чем твоя персона. Надеюсь, ты в состоянии понять меня, но если нет – твое мнение в данном случае несущественно.

– Ну а как насчет какого-нибудь другого чародея? – с надеждой спросил Джон-Том.

В голосе Кло-тагорба послышалась гордость.

– Осмелюсь заметить, что во всем мире лишь я один способен справиться с необходимыми заклинаниями и физическими дисторсиями. Вот что, договоримся так: я отсылаю тебя назад, как только это окажется возможным. – Отчески похлопав Джон-Тома по руке, Клоутагорб предупредительно погрозил ему пальцем. – Не бойся. Мы отправим тебя назад. Надеюсь, – добавил чародей с сожалением, – что я сумею сделать это, прежде чем разразится беда и нас перебьют. – Он прошептал, рассеянно взмахнув палочкой.

Разделенье, исчезай,
Свет обратно возвращай.
Светляки, сюда летите,
Вы, молекулы, плывите.

В искаженное пространство внутри Древа возвратился свет, долгожданный и теплый. Тьма унесла и лапы мерзких тварей, которые Джон-Том ощущал собственной спиной. В ветвях снаружи вновь послышалось чириканье ящериц.

– Если вы не рассердитесь, я бы сказал, что ваше колдовство вовсе не похоже на то, которого я ожидал.

– А чего же вы ожидали, молодой человек?

– Там, откуда я родом, магия творится на основе всяческих штук наподобие паучьих и кроличьих лапок... Словом, из чего-то другого. И потом твердят волшебные глаголы из латинского или других древних языков.

Мадж презрительно фыркнул, выглянувший из-за двери

Пог позволил себе скрипучий смешок. Клотагорб с неодобрением глянул на эту парочку.

– Вот что, юноша, эти маленькие пауки, что бегают под ногами, ни на что не годятся. Те, что побольше, с другой стороны... Однако я не бывал на Паутиниках и не собираюсь посещать место, где они обитают... – Тут Клотагорб жестом показал, что пауки там в локоть длиной, и Джон-Том не стал проявлять дальнейший интерес к этому месту, а тем более к паукам подобной величины.

– А что касается кроличьих лапок – не сомневаюсь, любой уважающий себя кролик прикончит меня и сделает из моего панциря умывальный таз, если такая идея только придет мне в голову. Выбор слов давно подтвержден экспериментами, к тому же они одобрены на собраниях Большого Совета волшебников.

– А что вам нужно, чтобы открыть проход между измерениями?

Клотагорб заговорщицки пододвинулся ближе.

– Понимаешь, я совершенно не хотел бы ненароком выдать секреты сообщества, однако, по-моему, ты все равно ничего не запомнишь. Нужно несколько кристаллов германия, щепоть молибдена и чайная ложка калифорния... К тому же связываться со сверхтяжелыми коротко-живущими элементами – суцая мука, сам понимаешь. Значит, берешь кое-какие радиоактивные вещества, потом добавляешь парочку трансурановых... а их еще поди получи.

– А как найти?..

– Тут действует другая формула, ингредиенты которой я вообще не могу назвать непосвященному. Потом помещаешь все в самый огромный котел, какой только удастся достать, мешаешь. Три раза обходишь, приплясывая, ближайшее отложение никель-цинковых руд и... Но хватит секретов.

– Забавная магия, она похожа на настоящую науку.

Клотагорб с разочарованием поглядел в сторону Джон-Тома.

– Разве не это я тебе говорил? Сама-то магия – всегда одна и та же, вне зависимости от того, в каком мире или измерении ты существуешь. Различаются заклинания и формулы.

– Вы сказали, что кролик здесь просто лапу свою не отдаст. Значит, и кролики у вас разумные?

– Юноша, юноша... – Клотагорб устало опустил на кушетку, скрипнувшую под ним. – Разумны все теплокровные. Так и должно быть. Так было во все исторические времена. Все теплокровные, кроме четвероногих травоядных – домашнего скота, лошадей, антилоп и им подобных. – Чародей грустно покачал головой. – Бедным тварям так и не удалось развить из своих копыт хоть какое-то подобие рук. А интеллект тесно связан с наличием пальцев. Теплокровные, значит, разумны. Птицы тоже. А из рептилий по каким-то причинам интеллектом обладаем только мы, черепахи. Есть, конечно, еще обитатели Паутильников и Зеленых Выхолмий, но

чем меньше о них говоришь, тем спокойнее. – Он поглядел на Джон-Тома. – Ну а раз тебя нельзя отослать домой, что прикажешь с тобой делать?..

Глава 3

Клотагорб помедлил еще.

– Все-таки мы не вправе бросить тебя одного, да еще в совершенно неизвестном тебе мире. Я ощущаю известную ответственность. Тебе потребуются деньги и спутник, способный дать необходимые объяснения. Эй, Мадж!

Выдр пристально разглядывал огромный том, раскрытый Погом на нужной странице.

– Эй, вы, оба! Оставьте в покое брачные заклинания. Все равно у вас не хватит терпения вызвать нужных духов. Иначе придется избавить вас кое от чего лишнего парочкой заклинаний, чтобы вы только утихомирились.

Мадж захлопнул книгу, взлетевший вверх Пог принялся увлеченно протирать второй ряд окон.

– Чего вам угодно от меня, ваше чародейство? – несчастным голосом проговорил Мадж, ругая себя за оплошность.

– Мадж, меня почтительным тоном не одурачить. – Клотагорб предупреждающе поглядел на выдра. – Я знаю, что ты думаешь обо мне. И это меня не волнует.

Обернувшись к Джон-Тому, чародей скептически оглядел молодого человека: дешевый тисненый пояс, стоптанные сандалии, тенниска с изображением волосатого человекообразного с дымящейся гитарой в руках, линялые голубые джинсы.

– Знаешь, в таком виде нечего и думать отправляться в Линчбени-град... или в другое место. Тебя непременно вызовут на поединок. Это может быть опасно.

– Ага, – отозвался Мадж, – во умора. Да они же со смеху помрут.

– Нельзя ли обойтись без твоего презренного остроумия, трясущееся порождение мускусной крысы? Тебе смешки, а мальчику...

– Прошу прощения, сэр, – строгим тоном остановил его Джон-Том. – Но мне уже двадцать четыре, и мальчиком...

– Юноша, а мне двести тридцать шесть. Возраст – вещь относительная. А теперь нужно подумать об одежде... и о проводнике. – Клоутагорб многозначительно поглядел на Маджа.

– Эй-эй, шеф, обождите-ка. Клепанный Портал – ваш, ввалился в него – он, и если это не тот гусь, я здесь ни при чем.

– Тем не менее вы уже познакомились. А поэтому ты возьмешь его под свою опеку и приглядишь, чтобы с ним ничего не случилось, пока я не придумаю, как с ним поступить.

Ткнув мохнатым большим пальцем в сторону выжидающего юноши, Мадж отвечал:

– Ваше чародейство! Я ж не говорю, што мне его не жаль, что ж я – урод?.. Мне вообще каждого дурачка жалко, а тем более безволосых людей. Тока с чего это я должен с ним нянчиться? По профессии я ж охотник, сэрра, какая ж из меня приемная мамаша, я... што ли, фея?

– По профессии ты бродяга, а по призванию – пьяница и развратник, – уверенным тоном возразил Клотагорб. – Во-все не идеальная компания для молодого человека, однако в вашем скудном умишке Линчбени ученого для этого дела не отыскать. Итак... ты назначен.

– А ежели откажуся?

Клотагорб закатал отсутствующие рукава.

– Тогда я тебя превращу в человека, укорочу усы, выбелю нос, вытяну ноги, расплещу лицо... Мех у тебя повылезет, и весь остаток жизни будешь шляться по миру с голой кожей.

Бедолага Мадж явно испугался, его бравада не принесла результата.

– Нет-нет, ваше заклинательство! Ежели судьба мне возиться с пацаном – я ее искушать не буду.

– Решение мудрое и прозаичное. – Клотагорб покойно сел на кушетку. – Не люблю я грозить. С проводником дело улажено, остается финансовый вопрос.

– Во-во, – просветлел Мадж. – Что ж это – посылать невинного незнакомца в наш жестокий мир... без ума и без гроша.

– Имей в виду, Мадж, деньги я даю молодому человеку, и не смей их у него канючить.

– Ах, сэрра, нет, нет и нет! Я только пригляжу, чтоб пацан оделся как подобает и пристроился в Линчбени в гостинице, где принимают человекообразных.

В голосе Джон-Тома зазвучали волнение и радость:

– Значит, в этом городе есть люди наподобие меня?

Мадж, сощутив глаза, поглядел на него.

– Вот што, приятель, людей в Линчбени-граде полно, попадаются и человекообразные, тока не твоего размера.

Клотагорб копался в горке свитков.

– Ну вот, опять это заклинание затерялось... Как золото творить буду?

– Эй, шеф, – встрял сметливый Мадж. – Можно помогу... поищу?

Волшебник оттолкнул его в сторону.

– Сам управлюсь. – И, покосившись на кучу бумаги, забормотал:

– Заботы... заказы... зрение... зола... золото, вот оно.

Вновь извлечены были порошки и отвары, на этот раз их поместили не в тигель, а на мелкую сковородку. На самое дно Клотагорб уложил одну-единственную монетку, извлеченную со дна какого-то ящика в его жилете. Заметив, что Мадж пытается все запомнить, Клотагорб помахал руками.

– Мадж, и думать забудь. Тебе этих слов не выговорить. Кроме того, монетка эта особая, старинная. Если б я мог все время делать деньги – зачем бы тогда брать плату за работу? Сегодня – случай особый. Ну, подумай, что будет, если все животные примутся делать деньги.

– Тогда рухнет вся ваша денежная система, – вставил Джон-Том.

– Благословенный панцирь! Юноша, ты говоришь правду.

Кое-что ты все-таки выучил.

– Экономика мне чуть ближе.

Волшебник уже водил палочкой над сковородой.

Постулаты, постулаты, постулаты,

Повторяю я трикраты:

Золото, сюда явись,

Из молекул накопиись.

Слышу ход в земле, явись!

Круглись, золото, круглись,

Эй, металл тяжелый, звонкий,

Округлись и в монеты превратись.

Что-то вспыхнуло, запахло озоном. Порошки со сковородки куда-то подевались, а на их месте оказалась кучка блестящих монет.

– Вот это – штукавина правильная, – прошептал Мадж Джон-Тому. – Этот бы заговор мне и узнать.

– Иди сюда, юноша, и бери, – Клотагорб вытер пот со лба. – Короткое заклинание, но тяжелое.

Джон-Том сгреб горстку монет. Он уже собирался опустить их в карман, когда неожиданная легкость червонцев удивила его. Он прикинул вес на руке.

– Сэр, не хочу показаться непочтительным, только они очень уж легкие для золота...

Мадж протянул лапу, выхватил монетку.

– Не то что пенни, друг. На золото-то похоже, но не золо-

то.

Клотагорб, хмурясь, подцепил золотой диск.

– Угу. А что это за тонкий краешек выступает?

– И здесь тоже. – Джон-Том зацепил за край. Тонкая золотая фольга отошла, открывая буроватую субстанцию. Описывающий круги над их головами Пог истерически захохотал.

– Не понимаю. – Клотагорб содрал последнюю обертку с собственного экземпляра. Материал под нею он признал в тот самый миг, когда Джон-Том на пробу куснул.

– Шоколад. Неплохой, кстати. Клотагорб приуныл.

– Проклятие! Должно быть, я добавил к формуле трансмутации что-то из завтрака.

– Ну что же, – отозвался умиравший с голода молодой человек. – Золото, сэр, у вас не вышло, однако шоколад получился превосходный.

– Вод эдо волшебник! – завопил Пог из оконной ниши. – Шоколад у него вышел вмесдо золота! Я ж вам рассказывал, ребята, чего туд было, когда он пытался вызвать водяную нимфу. Выложил всю комнату, как бобер хатку: кругом благовония, духи, зеркала. Ну, вызвал он свою нимфу. Порядок. Знаете какую? Нимфу куглухской стрекозы... Она ж ему чуть руку не оторвала, пока...

Клотагорб коротко ткнул пальцем в сторону Пога, крохотная молния обуглила место, где тот был буквально только что.

– Вечно мажет к дому же, – съехидничал ученик. Вторая молния миновала фамулуса на еще большем расстоянии, расколошматив целую шеренгу стеклянных сосудов на верхней полке. Звякая, они попадали на пол; летучий мыш, метнувшись в сторону, увильнул от падающих осколков.

Отвернувшись, Клоутагорб стал возиться с очками.

– Пора наворожить новые линзы. – Засунув руку в нижний ящик панциря, он извлек оттуда горстку монеток поменьше. – Юноша, это тебе.

– Сэр... а не проще ли было сразу дать мне их?

– Приходится практиковаться. Вот увидишь, через несколько дней это заклинание будет выскакивать из меня, как пробка из бутылки.

– А может, и одежонку ему наколдуете? – осведомился Мадж.

Прицеливающийся пальцем в ухмыляющегося фамулуса Клоутагорб бросил на Маджа сердитый взгляд.

– Я волшебник, а не портной. Мирские дела я оставляю тебе. И помни: не приглядишь – меха на тебе не будет.

– Шеф, расслабься. Пошли, Джон-Том. Дорога неблизкая, и лучше выйти до темноты.

И они оставили жильё Клоутагорба, разбивавшего горшки и фиалы и прожигавшего дырки в картинах в напрасных попытках испепелить обнаглевшего помощника.

– Какой интересный тип этот ваш волшебник, – чтобы завязать беседу, проговорил Джон-Том, едва они повернули на

хорошо протоптанную дорожку, уводившую в лес.

– С чего это он мой, приятель? – Ящерица с ярким оперением принялась расклеивать нечто, напоминающее банан, на ветвях ближайшего дерева. – Хошь еще шоколадную монетку?

– Нет, спасибо.

– Кстати, о деньгах: мешочек-то с серебром можно и мне дать, раз уж под моим присмотром находишься.

– Деньги в полном порядке. – Джон-Том похлопал себя по карману. – Тут им будет спокойнее. К тому же мои карманы повыше твоих – залезть труднее.

Не ощутив ни малейшей обиды, выдр оглушительно расхохотался и хлопнул Джон-Тома волосатой пятерней пониже спины.

– А ты, приятель, не такой дурак, каким кажешься. Чтоб мне заледенеть, тока я еще сделаю из тебя нормальное животное.

Они один за другим перебрались через ручей – почти такой же, как посреди ботанического сада в кампусе. Джон-Том постарался справиться с грустью, навеянной этим воспоминанием.

– А тебе не интересно, какой такой кризис предрекает нам Клотагорб? – спросил он выдра.

– А ну его, – отвечал тот, – опять чтой-то придумал. Мне рассказывали – чего тока эти чуваки не пьют и не курят под настроение! Это у них называется размышлениями... чаро-

дейскими. А я так прямо скажу – набрался. Как ему разобраться-то, выдумал он кризис этот или нет, если ходит каждый день косою?

– Тебе надо бы обратиться к истории...

Мадж укоризненно покачал головой.

– Тока попробуй ляпнуть подобное в Линчбени, приятель, враз попадешь в беду. Нужно мне обращаться к твоей истории. А все-таки, как насчет серебришка? – Джон-Том улыбнулся. – Ну, ладно, ладно.

Последние надежды на то, что затянувшийся кошмар этот развеется и что он еще сможет проснуться, исчезли после нескольких дней пути – за милю до Линчбени. Джон-Том еще не видел города – тот прятался за подъемом, поросшим сосновым бором, когда близость поселения засвидетельствовал запах... Едкую вонь от сотен животных, сгустившуюся на утреннем солнцепеке, едва ли можно было с чем-нибудь перепутать.

– Что те опять не так, кореш? – Сбрасывая остатки ночной дремоты, Мадж с наслаждением потянулся. – Смотрю, опять ты у меня сник.

– Запах...

– Мы ж возле Линчбени – как я и обещал.

– Значит, тут всегда так воняет?

Мадж поводит носом.

– Не... чтой-то сегодня не очень. Подожди вот... к полудню, когда солнце поднимется, будет самый как раз.

– У вас здесь повсюду волшебники... Великие, вроде Кло-тагорба. Неужели никто не мог выдумать дезодоранта?

Мадж отвечал не без смущения.

– А что это такое будет, приятель? Еще какая из ваших непонятных штуковин?

– Такая вещь – побрызгал, и от тебя пахнет приятно, – с достоинством отвечал Джон-Том.

– Во до чего ж странные понятия в вашем мире. А как я тогда пойму, где мои враги, если не смогу их учуять? А друзья – те и так пахнут приятно. Неправильно у тебя выходит. От друга не воняет. Разве что от вас, человекообразных, – он пренебрежительно фукнул носом, – иногда толком ничем и не пахнет. Вот, поди, и кажется тогда, что все могут обойтись без запаха.

– Действительно так.

– А вот что тогда выходит, шеф. Нечего тебе проповедовать эти свои сектантские заскоки в Линчбени, не то даже я не смогу тебя защитить... До конца дня не протянешь.

Они приближались к городу. Теперь на тропинке были видны следы многих ног.

– Во, гад, дает, – бормотал Мадж себе под нос. – Обходиться без запахов, без сладких-то ароматов друзей и дам. Да я, гад, скорее ослепну, чем носа лишусь, понял, приятель? И какие ж у вас там чувства в вашем мире?

– Обычные. Зрение, слух, осязание, вкус... обоняние.

– Тогда выходит, что ты сектант, раз из вздорной пустой

теологии согласен отказаться от одной пятой чувств, рассказывающих тебе о мире?

– Теология тут ни при чем, – возразил Джон-Том, опасаясь, как бы его аргументы ему же самому не показались легковесными. – Все дело в этикете.

– Да подавись ты своим этикетом. Надо же – никаких запахов. Нет, Джон-Том, твоего мира мне на понюх не надо. Тока мы уже пришли. Постарайся теперь выбирать выражения. – Выдр все еще никак не мог примириться с тем, что запах друг друга кому-то может показаться неприятным. – Ты тока скажи там про свой нос, так тебя сразу выпотрошат.

Джон-Том нерешительно кивнул. Надо вздохнуть поглубже несколько раз, сказал он себе. Где-то он это слышал: вдыхай поглубже – привыкнешь.

Они поднялись на вершину холма, и внизу за деревьями открылся город. И тут запах обрушился на него в полной мере... Пахло навозом, перепревшим в болоте. Джон-Том едва сумел удержать в себе содержимое желудка, вознамерившееся оставить его тело недолжным путем.

– Эй-эй, тока меня не заблюй! – Мадж торопливо шагнул назад. – Возьми себя в руки, парень. Скоро ты будешь радоваться этому запаху.

Они спускались с холма, выдр привольно трусил, Джон-Том брел, спотыкаясь, и, по возможности, старался изобразить на лице непринужденное выражение. И тут они набрели на зрелище, заставившее Джон-Тома позабыть про дурноту

и одновременно напомнившее ему, что угодил он в местечко опасное и лишь слегка цивилизованное.

Они увидели тело, во всем схожее с принадлежащим Маджу, кроме незначительных подробностей: лапы висящего были скручены за спину, ноги связаны вместе. Голова свисала набок, свидетельствуя, что эту шею свернули вполне профессионально. Тело было полностью обнаженным. «Странно, как быстро я привык, что и животные здесь ходят одетыми», – подумал Джон-Том.

Труп целиком покрывала оболочка из прозрачной резины или пластмассы. К облегчению Джон-Тома, глаза оказались закрытыми; выражение на физиономии, пожалуй, можно было даже назвать приятным. Под покачивающимся законсервированным трупом на шесте торчала табличка с надписью, сделанной незнакомыми буквами. Юноша вопросительно посмотрел на Маджа.

– Это основатель нашего города, – последовал ответ.

Они шли мимо удивительного монумента, и Джон-Том не сводил глаз с покойника.

– Значит, у вас принято вешать основателей городов?

– Не, тока за особые заслуги. Это наш покойный Тило Бени. Должно быть, две сотни лет висит уже, старина.

– Неужели это тело провисело здесь не одну сотню лет?

– А че – хорошо сохранился. Наш местный колдун забальзамировал его, как положено.

– Какое варварство.

– А хошь – расскажу о нем? – спросил Мадж. Джон-Том кивнул.

– Значица, вышло так, что старик Тило – хорек, значит, этот, а из них ничего хорошего не выходит – оказался мошенником. Грабил фермеров по всей округе... Много лет грабил... Чаше деньги отбирал, иногда дочерей. Вот на этом его и застукали. А то он зерно купит у одного фермера, а продаст другому, потом займет денег и еще купит. Вдруг пара фермеров сообразила, значица, что зерно, которое они покупают, существует лишь в голове Тило.

Ну вот, они собрались, заловили его в этой роще и обработали, как полагается. А тут приходит пара ремесленников – плотник и серебрянщик, а может, и сапожник, не помню... Ну и решили, что в этой долине возле проточной воды можно затеять дело, вот город-то и вырос. Тогда, значица, в других селениях спрашивать стали – как найти тех ремесленников. Им и говорили: ступайте в долину, где линчевали Тило Бени, хорька-мошенника. А ты, шеф, не заметил? Дышишь-то уже как надо!

К удивлению юноши, дурнота его прошла, вонь более не казалась такой жуткой.

– Ты прав. Теперь лучше.

– Хорошо. Вот что, приятель, теперь держись возле меня и следи за собой. Тут есть ребята, которые не любят шутить с незнакомцами, а ты и так страннее всякого странника. Значица, я не хотел бы здесь с ними повздорить, понял?

Они вышли из леса. Мадж поглядел вперед и голосом, полным провинциальной гордости, изрек:

– Ну вот, Джон-Том, вот и Линчбени-град.

Глава 4

Ни тебе сказочных шпилей, ни островерхих башенок. Перед Джон-Томом была деревня. Ни радужных бастионов, ни покрытых золотом крыш, вонзающихся в облака... Ни серебра, ни самоцветов. В Линчбени можно было жить – для этого городок и строили, – но любоваться тут было нечем. О мавританских дворцах и садах с павлинами обитатели его ведали еще меньше, чем сам Джон-Том.

С двух сторон зажатые лесом улочки тянулись вдоль узкой долины; через центр городка протекал ручей едва ли не в ярд шириной. Он делил надвое центральную улицу, замощенную, как и боковые проулки, голышами, наверняка доставленными из русла далекой реки. Собственно, не замостили один только ручей.

Они спускались вниз по тропе, превратившейся в мостовую, возле самой воды. И хотя Джон-Том намеревался держать себя в руках, приступ дурноты, накатившей возле первых домов, заставил его изрядно скривиться. Похоже было, что ручей служит одновременно источником питьевой воды и сточной канавой. Юноша велел себе не пить в Линчбени, если предложенная жидкость будет некипяченой или не из бутылки.

Вокруг стояли дома – в три, даже в четыре этажа. Острые крыши были крыты большими, в квадратный фут, пластина-

ми дранки или серого шифера. Со второго и третьего этажей вниз смотрели прозрачные окна. Кое-где над улицей нависали балконы.

В стенах четвертых этажей и башенок, поднимавшихся над крышами, были открытые воздуху круглые дыры. Под каждым таким входом виднелись толстые жерди. Возле воздушных дверей располагались круглые же окошки. Там явно гнездились воздушные обитатели городка, вроде красногрудого сквернослова, доставившего почту к Древу Клоутагорба несколько дней назад.

Узкое ущелье не было очень уж глубоким, да и края его не слишком близко подходили друг к другу, но дома жались стенка к стенке, как перепуганные дети. Причина была проста: если одна стена служит для двух строений, дом обходится дешевле. Кое-где над щипцами острых крыш и обращенными к улице фасадами на шестах реяли вымпелы. Может, они несли на себе гербы знатных семейств, может, о чем-то предупреждали или извещали местных жителей. Джон-Том об этом не знал. Куда более понятной символикой явилось сохнувшее на натянутых над головой поперек улиц веревках белье необычной конфигурации. Джон-Том попытался было определить владельцев по расположению и длине рукавов и штанин, однако вынужден был сдаться перед лицом такого разнообразия.

Ну а в настоящий момент мохнатые руки торопливо, с воркотней и бурчанием, втягивали белье в окна верхних

этажей. Над городом уже грохотал гром, раскаты его отражались от мостовых, от сырых каменных стен, пересеченных толстыми деревянными брусьями. Даже небольшие дома здесь строились прочно – неприступными замками.

Гулко хлопали оконные переплеты – обитатели готовились к приближающейся грозе. Новый порыв влажного ветра донес до ноздрей человека и выдра острый запах дыма, запорошил глаза пеплом. Над городом прогремел новый раскат. Маслянистое темное облако было почти над головой. Первые капли упали на лицо.

Мадж прибавил шагу, и Джон-Тому пришлось поторопиться, чтобы не отстать. Город заинтересовал его, и спрашивать, куда они спешат, не хотелось. Погруженный в лицезрение окрестностей юноша не замечал взглядов торопливых прохожих.

Пройдя еще пару кварталов, он наконец понял, какое внимание привлекает.

– Длинный ты, все дело в этом, приятель, – объявил Мадж.

Джон-Том старательно разглядывал прохожих, отвечавших ему не менее любопытными взглядами. Выше Маджа никого не было; в основном здешние ростом едва превосходили четыре-пять футов. Одеты все были достаточно схоже, различия определялись вкусом и, по-видимому, положением. Шерсть и шелк чередовались с хлопком и кожей. Куртки, блузы, жилеты и панталоны зачастую были расшиты бисером и перьями. Головные уборы отличались разнообразием:

широкополюе шляпы во вкусе семнадцатого столетия, крохотные береты, высокие тирольки с перышком на боку, как у Маджа. Землю попирали сапоги и сандалии разных размеров. Позже Джон-Том убедился, что выбирать приходится между теплыми, но грязными башмаками и сандалиями – обувью холодной, однако легче поддающейся чистке.

Впрочем, поддерживать чистоту обуви здесь было сложно. Они вовремя пересекли главную улицу: буквально перед их носом раздраженная седая опоссумша выплеснула в центральный ручей ведро с помоями – прямо со второго этажа.

– Эй, там! – закричал Джон-Том захлопнувшимся ставням.

– Чего это ты?

– А она чего? – пробормотал Джон-Том, крутя носом от новой вони.

Мадж нахмурился.

– Вот что, шеф, уймись-ка ты со своими обычаями. А чего ей еще делать со всей жижей, собравшейся за ночь? – И он показал рукой на ручей, протекающий вдоль улицы. – В это время года у нас здесь дожди. Все стекает в поток... и привет.

Джон-Том мысленно поблагодарил судьбу за то, что она не привела его в эти края летом.

– Меня ведь не это рассердило. Она же специально. Ей-богу, метила в нас.

Мадж ухмыльнулся.

– А че, можа, и так. У этой старой домоседки-хавроньи другого-то развлечения и не найдется.

– А как тут у вас насчет обыкновенной любезности? – осведомился Джон-Том, стряхивая с ботинок налипший мусор.

– Хорошая штукавина, если молодым хочешь лапы отбросить, вот что я тебе на это скажу.

Спереди послышались крики. Они отступили в сторонку и прижались к ставням, прикрывающим окна лавки. К ним приближался огромный двойной фургон, повозки грохотали одна за другой. Транспорт занимал едва ли не всю ширину улицы.

Джон-Том разглядывал его с любопытством. Правил фургоном тощий, насквозь промокший оцелот. Яркие глаза небольшой тигровой кошки поблескивали из-под широких полей мятой фетровой шляпы. Позади него, на передке второй повозки, ехал вконец осерчавший самец белки, ростом не более чем в три фута. Прикрывая пушистым хвостом голову, он пытался с помощью полотнищ плотного холста или кожи спасти от уже хлынувшего дождя фрукты и овощи, которыми была загружена повозка. Фургон тянула четверка ширококостных ящеров, покрытых сине-зелеными радужными разводами; в полумраке их розовые глаза поблескивали на манер габаритных огней автомобиля. Они то и дело дергались из стороны в сторону, требуя неуклонного внимания от вопящего и шипящего возницы, который использовал

ругательства в той же мере, что и тонкий длинный кнут.

Ненадолго заглушив гром, огромная повозка прогрохотала мимо, с трудом обогнув угол.

– Ну чего братья, ежели безрукий... Не понимаю таких, – буркнул Мадж, когда они продолжили путь, стараясь держаться ближе к стенам домов, где дождь был потише. – Стока груза зазря намочили.

Теперь с неба уже просто лило. Окна по большей части были затворены или прикрыты ставнями. В наступившем полумраке казалось, что дома нависают над улицами.

Откуда-то из-за спины, сверху, донеслось пронзительное чириканье. Обернувшийся на звук Джон-Том успел заметить, как сойка в желто-пурпурной юбочке и жилете приземлилась на одном из насестов четвертого этажа и протиснулась внутрь через отверстие. Хлопнула круглая дверца.

Они торопились вперед – от одного шаткого навеса над входом к другому. По дороге миновали книжную лавку... точнее, лавку свитков: высокие до потолка деревянные полки похожи были на штабель винных бутылок, из каждого гнезда торчал толстый свиток.

Как уверял Мадж, дождь смыл всю грязь с мостовой, и вздувшийся ручей унес ее вниз по течению. Гроза тем временем умчалась дальше, раскаты грома стали стихать. Ливень сменился холодным морозящим дождем, и Джон-Том ежился и неуютно чувствовал себя в насквозь промокших джинсах и тенниске.

– Прошу прощения, сэр.

Джон опустил руки, которыми обхватил себя, пытаясь согреться.

– Что? – Взгляд его обратился направо. Голос слышался из узкого проулка – двое мужчин едва ли прошли бы там плечом к плечу...

Под небольшим деревянным навесом лежал гиббон, скрючившийся для тепла между деревянными бочонками, наполненными мусором. Его морщинистая физиономия была укрыта от дождя сложенными листьями оберточной бумаги, завязанными узлом под подбородком. Самодельная шляпа, промокнув, липла к физиономии обезьяны. Рваные хлопчатобумажные брюки укрывали волосатые ноги. Рубашки на гиббоне не было. Длинные руки обнимали сотрясающуюся грудную клетку, покрытую округлыми проплешинами. Вместо одного глаза зияла дыра.

Рука с тонкими пальцами с надеждой потянулась к Джон-Тому.

– Серебряную монетку, сэр. Подайте несчастному ветерану войны, неудачнику мирных времен. Скверное воспитание и невежество судей стоили мне одного глаза, сэр. А теперь я существую лишь щедротами жителей этого города.

Джон-Том, открыв рот, глядел на жалкое создание.

– Ну, несколько медяков, сэр, если у вас нет серебра, – с вожделением канючил гиббон.

И вдруг отшатнулся, вжимаясь в бочки. Одна из них по-

валилась. На мостовую посыпались обрывки бумаги, кости – словом, обычный городской мусор, состав которого не зависит от пространственного расположения города в космосе.

– Нет-нет, сэр! – Трясущейся рукой гиббон прикрывал лицо. – Я ничего плохого не сделал.

Мадж стоял возле Джон-Тома. Меч на груди его был наполовину выдвинут из ножен.

– Слышь, ты, я не потерплю, чтоб ты приставал к джентльмену, пока он пользуется моим покровительством! – Выдр шагнул к неудачливому антропоиду. – Сделал... не сделал, а можа, еще сделаешь... Вот попробуй тока, пока я рядом.

– Ну зачем ты так? – пробормотал Джон-Том, не без приязни глядя на съезжившегося гиббона. – Он же больной, видишь?

– Во-во... Именно... Больной. Чего ты, приятель, не знаешь, как разговаривать с попрошайками?

Выдр обнажил меч. Гиббон взвыл.

– Знаю. – Джон-Том запустил руку в карман, нащупал небольшой льняной кошелечек, которым одарил его Клотаторб, извлек из него монетку, бросил ее гиббону. Обезьяна поползла за ней по камням, по мусору.

– Благословение на вас, сэр! Пусть небеса поцелуют вас!

Мадж отвернулся с презрением, вернув меч на место.

– Попусту деньги мотаешь. – Он взял Джон-Тома за руку. – Ну, пошли. Надо еще добраться до той самой лавки, пока ты все не спустил. Вот что, кореш: тут мир грубый, и

тебе лучше бы поскорее с этим смириться. Значица, не видал ножа в подворотне?

– Ножа? – Джон-Том оглянулся назад – на оставшийся позади проулок. – Какого ножа?

– Во-во, он еще спрашивает, – возмутился выдр. – Вот не было бы меня с тобой, сразу узнал бы – какого. Тока я думаю – тебе с собой не справиться. Голова, наверное, легкая, мозги вроде воздуха, а? Какого ножа... Тьфу!

Он остановился, поглядел на озадаченного Джон-Тома.

– Вот чего, приятель – по мне, валяй дурака сколько хошь. Тока вот его чародейство что скажет? Стало быть, покуда я тут тебя не пристрою, покуда ты, значица, непустишь корней в этом мире, изволь-ка, приятель, слушать мои советы. А ежели о себе не думаешь, хотя бы меня пожалей. Клотагорб вона чего мне насулил. – Покачав головой, выдр отвернулся и отправился дальше. – Мне насулил – не тебе! Дернуло же меня спотыкаться о твои ноги, угораздило же!

– А! Выходит, мне повезло? По-твоему, я здесь просто счастлив? Тоже мне удовольствие... Пердун мохнатый!

К разочарованию Джон-Тома, вместо того чтобы потянуться к мечу, Мадж заулыбался.

– Вот это уже лучше, приятель! Так-то вот оно лучше, чем денежки свои раздавать. – Выдр сплюнул в сторону проулка. – Да этой мерзопакости вонючей что плюнуть, что кишки тебе выпустить. Не понял, почему мне в лесу лучше, а, друг?

Они свернули с главной улицы на боковую, оказавшуюся,

правда, пошире того проулка, но в общем-то не слишком похожую на настоящую улицу. Впрочем, даже она могла похвастать вывесками полдюжины лавок, жавшихся друг к другу в конце длинного тупика. Улочку освещал высокий масляный фонарь. Полотняные козырьки над окнами лавок едва не смыкались, вместе с дождем пряча мостовую от света фонаря.

Из находившегося в конце тупика каменного фонтана вытекал ручеек, повторявший в миниатюре поток на центральной улице.

Джон-Том стряхнул капли с рук и, выжимая влагу из длинных волос, нырнул, согнувшись, под один из козырьков. Тот явно не был рассчитан на персону подобного роста. Юноша поглядел на вывеску под большим окном лавки. Надпись была уже почти понятна. Должно быть, мозг начинал обживаться. Впрочем, понять, возле какой лавки он оказался, можно было, не зная грамоты. В окне было полно жилетов, курток, искусно простроченных панталон... пара брюк с бубенчиками, нашитыми вдоль швов. Одежда лежала на прилавке или была напялена на манекены с остроухими головами и хвостами.

Мадж толкнулся в дверь, звякнул колокольчик.

– Голову побереги, Джон-Том.

Услышав предупреждение, юноша пригнулся. Внутри пахло лавандой и кожей. Никого не было видно. В центре комнаты были расставлены кресла с гнутыми ножками и

спинками. С длинных шестов свисала одежда.

– Эй, владелец! – заорал Мадж. – Покажись сам и свою работу прихвати.

– Заходите, получите, дорогие мои, как там вас... – прошепел голос в задней комнате. – Лучшая работа, лучший шов... Самые прочные и красивые материалы... – Голос как-то вдруг стих.

Застыв у двери, лис глядел за спину Маджа – на тощего, насквозь промокшего Джон-Тома. На ногах хозяина красовались шелковые шлепанцы. Он был облачен в шелковый халат, к которому сзади крепились четыре аквамариновые ленты. Пересекаясь, они наискось обхватывали хвост и сходились в бант у белого кончика. Поверх халата на лисе оказался весьма делового вида фартук, из которого торчали линейки, пилки, несколько брусков темно-зеленого камня и прочие атрибуты портновского мастерства. Заговорил он весьма осторожно:

– А это... Что это такое? – И нерешительно указал в сторону Джон-Тома.

– Работа это, о которой мы тут болтаем... Будем делать, значаца, будем, бьюсь об заклад. – Мадж плюхнулся в низкое кресло, нисколько не думая об обивке и о том, что с него ручьем стекает вода. Сдвинув на лоб тирольку с пером, он забросил обе короткие ноги на ручку кресла. – Валяй, Дуся, работа ждет.

Упершись лапами в бока, лис строго глянул на выдра.

– Здесь на чудищ не шьют. Я одевал самых роскошных граждан Линчбени и всей округи. Я шил платье для мадам Скорианцы и ее лучших девиц, для банкира Щеголея Вулфа, для членов Городского Совета, для наших виднейших купцов и ремесленников... Но чудовищ я не одеваю.

Потянувшись из кресла, Мадж вытащил длинную тонкую палочку из высокого стакана, оказавшегося неподалеку.

– Считай это вызовом своему мастерству, приятель. – Кремневой зажигалкой выдр поджег палочку.

– Послушайте, – проговорил Джон-Том, – только обойдемся без скандалов. – Лис осторожно отступил назад, как только эта подозрительная громадина сделала шаг в его сторону. – Мадж считает, что... что... – Он заметил, что выдр увлеченно попыхивает дымком. По комнате плыл знакомый запах.

– А скажите, – осведомился Джон-Том, – могу ли... можно и мне взять одну из этих... палочек?

– Это, парень, для заказчиков и выставлено. – Мадж великодушно передал ему палочку вместе с зажигалкой. Джон-Том сразу не смог понять, как та устроена, но в данный момент рад был поверить и тому, что она снабжена хорошим огнетворным заклятием.

Несколько глубоких затяжек вполне удовлетворили его. Не столь уж страшен сей мир, решил юноша. Курево напомнило ему о тревогах Клотагорба. А что, если табак сможет каким-нибудь образом переправить его домой?

Через десять минут он уже ни о чем не тревожился. Ободренный Маджем и придремывающим гигантом, лис, бурча под нос, обмеривал Джон-Тома, распростершегося на покрытом ковром полу. Мадж лежал рядом, а тем временем души обоих воспаряли над бранными телами. Портной, которого звали Карлемот, не возражал против дыма; значит, у него хватало этих крепких палочек, либо здравого смысла, или того и другого вместе.

Потом он оставил их, а когда вновь вошел через несколько часов, застал выдра и человека в полной отключке. Лежа на полу, они с глубокой заинтересованностью обсуждали расположение проделанных древоточцем ходов в потолке.

Потребовалось некоторое время, чтобы Джон-Том пришел в себя настолько, чтобы одеться. Но когда он наконец увидел себя в зеркале, потрясение отчасти разогнало туман в голове.

Нежным облачком касалась кожи шелковая рубашка цвета индиго. Ниже начинались прямые брюки из чего-то среднего между хлопком и фланелью. И на штанах, и на рубашке были нашиты одинаковые пуговицы из черной кожи. Кожаный черный жилет украшали узоры из бисера. Им же были обшиты края брюк, только Джон-Том не сразу понял это, поскольку ноги его были обуты в невысокие, до голени, сапоги черной кожи с отвернутыми голенищами. Сперва Джон-Том даже удивился, что у портного нашлась обувь ему по ноге, понимая, что ростом он выше здешнего народца. А потом

сообразил, что, должно быть, у местных вполне могут быть иные пропорции, и ноги их крупнее, чем у человека.

Штаны держались на поясе из металлических звеньев, серебряных или оловянных, ярко блестящих, контрастируя с короткой, до бедер, пелериной из зеленой переливчатой кожи какой-то ящерицы. Воротник ее закалывался парой серебряных булавок.

Невзирая на все настояния Маджа, юноша отказался надеть на голову оранжевую треуголку.

– Терпеть не могу никаких шляп.

– А жаль. – В голосе Карлемота расстройство сменилось гордостью. – Лишь такая шляпа может завершить картину... Потрясающий костюм, если позволите, потрясающий и уникальный.

Джон-Том повернулся, чешуйки на плаще его заиграли даже в этом неярком свете.

– Да, в Лос-Анджелесе все бы полопались от зависти.

– Неплохо, – одобрил Мадж, – почти что стоит тех денег, что за него просят.

– Сказал тоже – почти! – Лис суетился возле Джон-Тома, пытаясь обнаружить дефект или складку. Остановился, смахнул ниточку с рукава юноши. – Костюм сразу и скромный, и броский, он привлекает внимание, но не раздражает. – Портной улыбнулся, в узкой пасти блеснули острые зубы. – Теперь этот человек похож на благородного... Бери выше – на банкира. Поневоле теряешься, когда приходится

драпировать такую большую площадь. Но чем больше труда, тем заметнее результат. Высокорослый друг мой, не обращай внимания на речи этого плебея. – Лис покровительственно поглядел на Джон-Тома. – А тебе нравится?

– Конечно. Особенно плащ. – Чуть повернувшись, Джон-Том пошатнулся и едва не упал, однако на ногах удержался. – Я всегда мечтал носить плащ с капюшоном.

– Приятно слышать. – Портной выжидал, деликатно покашливая.

– Значица, друг, – объявил Мадж, – пора и платить. Последовала добродушная перепалка, причем Джон-Том явно мешал Маджу торговаться – он принимал сторону портного. Наконец достигли согласия, поскольку естественное для Карлемота желание заломить цену повыше компенсировалось удовольствием, полученным от выполнения столь сложного дела.

Однако все это не помешало Маджу отчитать Джон-Тома сразу же за дверями лавки. Морозящий дождь к этому времени перешел в плотный туман.

– Чего ж я тебе сэкономлю, приятель, ежели ты будешь лавочникам поддакивать?

– Не беспокойся об этом. – Впервые за последнее время Джон-Том чувствовал себя почти счастливым. Теперь, успокоившись насчет внешнего вида, он сделался разговорчивым. – Зато какая работа... Столько трудов. Нет, на такое мне денег не жалко. Кстати. – Он побренчал кошельком в

кармане. – Еще есть кое-что.

– Хорошо, у нас впереди еще не одна остановка.

– Зачем же? – нахмурился Джон-Том. – Какая еще мне нужна одежда?

– Не нужна, говоришь? А по мне, ты, приятель, все равно что голяком ходишь. – Выдр повернул направо. Они миновали четыре или пять магазинчиков, вышли на главную улицу и по мосту через ручей добрались до новой лавки.

Изнутри она ничем не напоминала только что покинутое ими уютное гнездышко портного. В ухоженном заведении лиса царили мир и покой... как в обжитом логове. Новая лавка была полна всякой металлической жути, заставившей Джон-Тома невольно поежиться.

Одна стена была отведена исключительно под метательные приспособления. На ней располагались ножи не одной дюжины разновидностей: ланцеты, стилеты, колющие, режущие... с желобками, тьфу, пакость, для стока крови и без желобков. Длинные тонкие проволоки, украшенные самоцветами, – для вздорных и вспыльчивых дам. Далее шли всякие потайные устройства: ножи в каблуках, футлярах для очков и прочая... Словом, все смертоносное разнообразие, до которого способен додуматься точильных дел мастер.

Игрушками с рождественской елки дьявола поблескивали в свете лампы метательные звездочки. С замысловатой аллебарды свисали шипастые шары. Булавы, кистени и нунчаки чередовались на стене со щитами и копьями, пиками и бое-

выми топориками. В задней части лавки хранилось оружие подороже: длинные луки и мечи, различавшиеся скорее не клинками, а формой рукояти – для рук разной величины и очертания. Один на редкость уродливый короткий меч напоминал обоюдоострую косу. Нетрудно было представить, что может натворить им опытная рука. Например, гибкая и ловкая конечность гиббона.

У некоторых мечей и метательных ножей рукояти оказались с канавками или полые. Поначалу Джон-Том не мог даже сообразить, для кого они предназначены, но потом вспомнил про птиц. Руке не слишком удобно, а вот для гибких кончиков крыльев...

На какой-то миг он заставил себя забыть, что попал в мир насилия и быстрой смерти. Потом склонился над прилавком, разделяющим лавку на две части... Там лежал предмет, похожий на привычный игрушечный метательный диск, только с острым, как бритва, краем. Поежившись, юноша отыскал взглядом Маджа.

Выдр обогнул прилавок и как раз исчез за бамбуковой, должно быть, ширмой. И пока Джон-Том открывал рот, чтобы окликнуть его, Мадж успел вернуться, на ходу оживленно перебраниваясь с хозяином. Приземистый мускулистый енот облачен был только в передник и сандалии, за левым ухом в красную ленту на его голове были воткнуты два перышка. От него пахло дымом от горящих углей и железом – как и вообще в лавке.

– Значит, вот кто у нас собрался заняться членовредительством. – Наморщив нос с черной пуговкой, енот поглядел на Джон-Тома.

– Мадж, зачем мне все это? Я поговорить люблю, а не драться.

– Понял, все понял, приятель, – дружелюбно отозвался выдр. – Есть аргументы веские, а есть увесистые. – И он приподнял тяжелую булаву, чтобы проиллюстрировать свои слова. – В любом случае, ты ж не обязан тыкать во всех этими железками, достаточно бывает показать их, чтобы в тебе не проделали дырку. Так чем же из этого ты умеешь пользоваться?

Джон-Том еще раз оглядел будоражащую воображение охапку орудий смертоубийства.

– Даже не знаю... – Он в смятении покачал головой. Вмешался оружейник.

– Ясно, опыта у него нет. – В укоризненном голосе слышалось терпение. – Давай-ка подумаем. С такими руками и ростом... – Хозяин в задумчивости приблизился к стенке, возле которой железными колосьями вырастали из пола пики и копья, каждое – в отдельном гнезде из деревянных планок, и потер нос. Потом поднял обеими руками топор величиной с собственную голову. – Если нет ни умения, ни ловкости, можно использовать другие качества. Эй, молодой человек, ты каким оружием учишься владеть?

Джон-Том отрицательно затряс головой.

– А спортом занимался?

– В баскетбол у меня получалось неплохо. Знаешь, даже в прыжке бросал... Метко я умею...

– Дерьмо! – Мадж топнул. – Чего это еще за чертова жопа? В цель ты кидал, что ли? – с надеждой спросил он.

– Не совсем, – признался Джон-Том. – Это когда бегаешь, прыгаешь, бросаешь.

– Делать нечего, придется использовать это. – Мадж повернулся к оружейнику. – Знаешь, подыщи-ка ему что-нибудь потоньше того мясницкого инструмента, который у тебя в лапах. Может, порекомендуешь чего?

– Бегать быстрее. – С кислым видом разглаживая усы, оружейник повернулся к другой стойке. – Впрочем, когда кто сам признает, что растяпа, значит, не все пропало. – Он отставил тяжелый топор. – Такому еще можно помочь.

И он извлек нечто, похожее на копьё с отполированным древком. Но заканчивалось оно не наконечником, а увесистым деревянным набалдашником с шипами и нашлепками. Оружие было повыше Маджа и даже Джон-Тому доставало до уха, древко было в поперечнике дюйма два.

– Дубина, значит. – Мадж задумчиво разглядывал оружие.

– Длиннее у меня ничего нет. – Оружейник провел стриженным когтем по древку. – Таранное дерево. В бою не треснет. Твой долгорукий приятель сумеет отбиться им от любого врага, ежели не собирается разделяться с ним как подобает. Раз он у тебя крови боится, так, когда худо придется,

вмажет разок по макушке вот этой штуковиной... Насмерть уложит, не хуже, чем мечом. Меньше грязи, чем от топора, но результат тот же. – Он вручил оружие все еще колеблющемуся Джон-Тому.

– И вот еще, парень, из этой дубины хороший дорожный посох получится. Кстати, я ж намекал, что посодействую. – Оружейник указал на древко: посреди него в трех дюймах друг от друга располагались три серебряных кольца. Их соединяли четыре серебряные же полосы.

– Ну-ка, парень, нажми на любую.

Джон-Том так и поступил. Звякнув сталью, посох вдруг вырос на целый фут. Теперь из конца его торчало двенадцать дюймов стали. Удивленный Джон-Том едва не выронил дубину, но Мадж заплясал вокруг нее, как мальчишка возле прилавка в кондитерской.

– Мать моя, во будет настоящий сюрприз для любого тупого невежи, а их на улице хоть пруд пруди. Почесать этой штукой – враз поумнеет.

– Угу, – с гордостью отозвался оружейник, – ткни в ногу и нажимай на спуск – гарантирую изумление до потери сознания. – Енот и выдр с видом знатоков кивали друг другу.

Джон-Том надавил на древко, и стальное жало кошачьим когтем втянулось внутрь. Вновь нажал – острие выстрелило наружу. Интересно-то интересно, но чтобы радоваться...

– Знаете что, я бы вообще не стал дурачиться с такими вещами, но если вы настаиваете...

– Настаиваю, – проговорил сквозь смех Мадж, утирая с глаз слезы. – Настаиваю я. Вот и господин оружейник то же самое говорит... Не хочешь бить по лапам этой штуковиной – и не надо... Тока подожди – случится чего, так сам захо-чешь, чтоб какой-нибудь пьянчуга вместе со своим мечом очутился подальше от твоих потрохов. Значица, бери и ра-дуйся.

Джон-Том взял посох, но радости не испытал. Его угнетал уже сам факт обладания коварным оружием. Выйдя наружу, они внимательно обследовали кошелек. Он оказался почти пуст, лишь на самом дне серебристыми рыбками в темном баке с водой поблескивали редкие монетки. Джон-Том ре-шил, что, пожалуй, слишком расточительно обошелся с щед-рым даром Клотагорба.

Наличие остатков, пусть и скромных, прежнего велико-лепия Мадж одобрил. Свет фонарей золотил пелену тумана над улицей и витринами. Дождь прекратился, появились пе-шеходы. Тенями двигались вокруг силуэты животных.

– Проголодался, кореш? – поинтересовался наконец выдр, и глаза его засветились, отражая свет фонаря.

– С голоду дохну! – Юноша вдруг понял, что с утра не съел даже крошки. Запас вяленого мяса у Маджа кончился как раз вчера вечером.

– Я тоже. – Выдр похлопал Джон-Тома по укрытому пла-щом плечу. – Ну вот, теперь ты стал хоть на чтой-то похож. – Он многозначительно придвинулся к юноше. – Знаешь чего,

есть местечко, где на серебришко, что у нас осталось, можно соорудить себе пирушку, от какой бы и зайчиха на сносях не отказалась. Можя даже хватит, чтоб наполнить этот впалый мешок, который у тебя пузом зовется. – Выдр подмигнул. – И развлечемся – на сегодня все наши дела окончены, так-то.

Они шли по городу, пешеходов становилось все больше. По улице время от времени громыхал очередной фургон. Верхом на оседланных ящерицах вприпрыжку или бегом мимо проносились разные личности. Захлопали, открываясь, ставни. Джон-Том впервые услышал голоса детей... Молодняка, мысленно поправил он себя.

Мимо пробежали двое бельчат. Один, изловчившись, повалил наконец другого. Оба принялись кататься по мостовой, царапаться и брыкаться. Собравшаяся вокруг небольшая стайка детишек поощряла дерущихся и отпускала советы. К разочарованию Джон-Тома, милые с виду зверьки свирепо царапали и кусали друг друга. Не то чтобы ему не приходилось видеть подобные сцены в родном городе... Однако здесь такие драки являлись неотъемлемой частью образа жизни. Наконец один из дерущихся бельчат одолел и принялся делать из физиономии противника кровавую кашу.

– Часть нашей жизни? – задумчиво переспросил Мадж, когда Джон-Том поведал ему о своих ощущениях. – Не знаю. Я ж тебе не философ. Тока знай, у нас здесь – или вежливый покойник, или уважаемый забияка. – Выдр пожал плечами. – Решай, что тебе больше по вкусу. И не забывай про милую

штучку, которую только что приобрел.

Джон-Том убедился, что пальцы его крепко сжимают древко. Туман рассеивался, толпа густела, и на него начинали посматривать; Мадж уверял – из-за роста. Впрочем, он и одет был куда лучше среднего обитателя Линчбени-града.

Через пять минут он понял, что не просто хочет есть, а голоден, как волк.

– Недалеко уж, приятель.

Они свернули в извилистую боковую улочку. Слева в стене показалась почти незаметная дверь, в нее Мадж и повел Джон-Тома. Юноше опять пришлось согнуться чуть ли не вдвое, чтобы не задеть головой притолоку.

Внутри можно было и распрямиться, потолок оказался в двух футах над головою, чему можно было только радоваться.

– «Жемчужный Поссум», – проговорил Мадж с энтузиазмом, которого Джон-Том в голосе его еще не слышал. – Хорошо бы как следует промочить глотку, приятель. Лампу тока не опрокинь.

Джон-Том следовал за выдром в недра ресторации, продираясь через густую толпу и стараясь при этом не забывать о висячих лампах. Хорошо, что Мадж его предупредил. Снаружи трудно было даже предположить, что внутрь успела набиться толпа, успевшая изрядно взмокнуть.

Футах в восьми от входа потолок цирковым шатром уходил вверх – этажа на два с половиной. Внизу, прямо под ку-

полом, располагалась кольцеобразная стойка, из-за которой выносили еду и питье. За стойкой крутился взвод поваров и барменов. Среди них были два хорька, один аккуратненький кролик, летучая мышь с абсолютно прожженной физиономией, еще более уродливой, чем у Пога. Как и следовало ожидать, в основном она была занята тем, что разносила еду и питье. Джон-Тому приходилось уже бывать в рестораничках, где крылатому официанту были бы только рады.

Приземистые столы мясистыми поганками без всякой системы были раскиданы по всему залу. На противоположной от входа оконечности зала «Жемчужного Поссума» были предусмотрены кабинеты – для бесед или флирта, в зависимости от настроения.

Они все еще продирались через плотную и вонючую толпу. На полу попадались лужицы какой-то жижи, щепки от разбитых деревянных кружек. Владельцы ресторации вполне осознанно обходились без стеклянных сосудов. То и дело ноги наступали на деревянные решетки над стоками – достаточно было выплеснуть на пол ведро воды, чтобы смыть с него лужи спиртного или полупереваренные остатки пищи.

В зале Джон-Том оказался самым высоким из всех посетителей – животных то есть, хотя среди присутствующих была пара крупных волков и крепкие с виду большие кошки, – что только прибавило ему уверенности в себе.

– Эй, парень, сюда! – Направившийся на торжествующий голос Маджа Джон-Том обнаружил небольшой свободный

стол. Ему пришлось подтянуть колени повыше – сиденья были слишком низки для его роста.

Повсюду его окружали мохнатые тела, в ноздри бил запах мускуса и горячительных напитков. Большая ножка под столом была выполнена в виде кокетливой самочки опоссума, вся фигура едва ли не сплошь была покрыта похабными надписями, так что трудно даже найти свободное место.

Официант непонятным образом заметил, что в их руках ничего нет, а стол пуст, и направился к ним. Как и оружейник, он был облачен только в фартук, запачканный превыше всякой меры. Рисунок давно скрылся под сальными и прочими пятнами. Он тоже был енотом – с черной полоской на мордочке. Одно ухо было надорвано, белый шрам сбегал от него вниз по голове и, минуя глаз, уходил к рыльцу. Заметнее всего шрам был возле глаз – на темной шерсти.

Джон-Том был так занят созерцанием кипения жизни вокруг, что Мадж распорядился за него.

– Приятель, порядок, я все уже заказал.

– Надеюсь, что про еду не забыл, как и про выпивку. Таким голодным я еще не бывал.

– Заказал, заказал, кореш. Тока дурак не знает, что не дело пить на голодное пузо. Эй, куда прешь! – рявкнул Мадж, отпихивая локтем навалившегося на него пьяного оцелота.

Животное качнулось и, дернув кружкой, плеснуло содержимым в сторону выдра. Мадж уклонился от жидкости с необычайным проворством. Оцелот, взыв, отпустил пароч-

ку выражений по поводу полученного им пинка в ребра, однако для серьезной драки он слишком неуверенно стоял на ногах и потому побрел куда-то в толпу. Джон-Том следил за ним, пока заостренные кончики ушей не скрылись в толпе.

Появились две деревянные кружки с шипучим, явно крепким, напитком. В тонкой руке Маджа кружка из твердого дерева казалась громадной, однако Джон-Тому она была в самый раз. Он попробовал черную жидкость, напоминающую что-то вроде крепленого пива, и решил, что к подобному питью следует относиться уважительно.

В другой руке официант держал большое блюдо, покрытое помятой и поцарапанной металлической крышкой. Он открыл блюдо, и в нос Джон-Тома хлынул приятный аромат. На блюде оказались разнообразные овощи: помимо незнакомых плодов, там лежали милые сердцу морковь, редиска, сельдерей, крошечные луковки... Посреди блюда на груде картошки возвышалась свернутая в трубку поджарка. С одной стороны из нее торчала кость. Мясо было дочерна обжарено снаружи, внутри же-у кости – оставалось розовым.

Джон-Том поискал взглядом столовые приборы, но без успеха. Мадж пояснил: незачем в ресторане выставлять такое, чем посетители тут же попортят друг другу шкуры. Выдр извлек охотничий нож; короткий и треугольный, как зуб белой акулы, он прекрасно справлялся с мясом.

– Тебе сырого, среднего или прожаренного? – последовал вопрос.

– Все равно. – Джон-Том с трудом удерживал во рту слюнки. Мадж отхватил два солидных круглых ломтя мяса, передал один из них своему спутнику.

Они безмятежно ели – насколько это возможно, если обходишься одними пальцами. Джон-Том старался не запачкать свою новенькую одежду. Выдр же и не думал об опрятности; с мохнатого подбородка на жилет капал жир, впитывавшийся мехом и тканью.

Они уже успели наполовину насытиться, когда расслабившийся Джон-Том подметил, что от длинного хребта, пронизывающего поджарку, разбегаются в стороны тонкие гнутые косточки, сходящиеся концами, как ножки кронциркуля.

– Мадж, а чье это мясо?

– Невкусное, что ли, приятель? – удивился Мадж с полным ртом овощей.

– Великолепное, только вкус незнакомый. Это не говядина, так ведь?

– Говядина? Коровье мясо, что ли? – Мадж качнул головой. – Можа, они и не красавцы, только и мы не каннибалы, нет, приятель. – Он со вкусом пожевал. – Нет, конечно, это не королевская змея, а питон. Похоже, что сетчатый.

Чудесно. Если вкусно, так чего привередничать, подумал Джон-Том. Причин для этого нет. Он никогда не понимал отращения, испытываемого некоторыми людьми к мясу рептилий, правда, самому попробовать не довелось. В конце концов, мясо есть мясо... Мышечные волокна, и только.

Впрочем, змей такого размера лучше повстречать лишь в зажаренном виде у себя на столе.

Они как раз обглаживали последние позвонки, когда явился официант с тарелкой пухлых пирожных, сверху помазанных чем-то черным. Утоливший уже голод Джон-Том попробовал штучку и принялся уписывать их одно за другим. В противоположность внешнему виду, пирожные оказались легкими и воздушными, начинены они были медом и дроблеными орехами и посыпаны корицей.

Наконец он откинулся назад в низком кресле и принялся ковырять в зубах, отколупав для этого щепку от стола – как делали многие вокруг.

– Что ж, должно быть, денег у нас теперь не осталось, только так хорошо я давно уже не обедал.

– Угу, неплохо, – отозвался Мадж, уложивший коротенькие ноги на стол – каблуками прямо в тарелку с пирожными.

Где-то заиграл оркестр – что-то легкое и вместе с тем бравадное. Джон-Том профессионально заинтересовался.

Он не видел музыкантов, поэтому пришлось ограничиться слухом. В оркестре были один или два струнных инструмента, барабан, колокольчики и парочка странно глуховатых флейт.

Мадж склонился к нему через стол с серьезным и дружелюбным выражением на физиономии и положил лапу на ладонь Джон-Тома.

– Вот чего, друг, не хочу портить тебе удовольствие, тока

у нас есть о чем еще поговорить. Клоутагорб велел мне приглядывать за тобой, стало быть, я обязан сделать все до конца. Ежели ты собрался так кушать каждый день, значит, надо придумать, как тебе на жисть зарабатывать, а?

Глава 5

Реальность забурчала в животе Джон-Тома, заставляя забыть вкус пирожных.

– А что, можно ведь просто вернуться обратно к Клотаторбу? – Мир этот положительно начинал нравиться молодому человеку.

Мадж медленно покачал головой.

– Без пользы – пока у него не заработает то заклинание насчет золота. Тока помни: несколько дней назад он тебе показался добряком, а на самом деле волшебники бывают жутко не в духе. Ежели щас пойтить назад и хорошенько поплакаться, мол, деньги кончились... Ты чего ж думаешь... он тобою гордиться, что ль, будет? А уж обо мне-то как скажет! Хочешь напомнить ему, мол, сам виноват в том, что со мною случилось, так, приятель? Значит, слушай меня, может, у него там и припрятано серебро. Тока много его, что ли? Ну, ладно, по старческому слабоумию, щас он себе выдумал этот кризис, значица, не до дел. А дела нет – значица, и серебра нет. А нет серебра – давать-то он тебе чего будет? Вот что, боюсь я, работать тебе придется.

– Понятно. – Джон-Том угрюмо поглядел на дно пустой кружки. – А с тобой, Мадж, работать можно?

– Эй, не путай меня, приятель, я как раз и стараюсь найти такое дело, где тебя еще можно терпеть.

– Спасибо тебе, – ядовито отозвался Джон-Том.

– Да ниче, за что спасибо-то? Просто охота требует уединения. По-моему, тебе в лесу нечего делать; на взгляд, ты не из тех, кто умеет находить дорогу в чаще. Поставишь капкан и сам в него попадешься, так ведь?

– Не буду отрицать... Среди книг или на баскетбольной площадке я чувствую себя спокойнее.

– Вот что, пацан, хоть лопни, твои развлечения из другого мира здесь ни при чем. А что касается знаний... На кого ты учился?

– На юриста, Мадж.

– Это чтоб в адвокаты? Так ни разу и не пришлось попользоваться кем-нибудь из них, – проворчал Мадж, не заботясь о том, как воспримет Джон-Том подобное потребительское отношение к профессии законника. – А чего ты там учил, кроме законов? Сам вишь, у нас они на чуточку не те, что у вас.

– Историю, политику... Наверное, здесь от них тоже толку не будет.

– Наверное, тебя можно пристроить в ученики к местному адвокату, – решил Мадж. Он поскреб ухо и закинул лапу назад, чтобы продолжить занятие уже на спине. – Просто не знаю, приятель. Ты уверен, что больше ничего не умеешь? Может, с молотом можешь справляться... мебель делать? Или там по металлу, строителем... Мясо коптить, наконец... Что-нибудь полезное-то умеешь делать?

– Едва ли, – признался смущенный Джон-Том.

– Хах! – Выдр пренебрежительно присвистнул. – Недурную же ты жизнь вел там, называясь волшебником!

– Это все Клотагорб напутал, – запротестовал Джон-Том. – Я-то никогда себя не называл чародеем. Я – это я.

– Судя по всему, не слишком крупная величина. И более ничего... Ваще ничего?

– Ну... – В Джон-Томе снова загорелось честолюбие. Вспомнились насмешки друзей, осуждение и возражения его семейства. А потом перед внутренним взором предстал он сам – с гитарой в руках; припомнились разные группы, чьей музыке он подражал в своем эмоциональном безрассудном самоуглублении... «Лед Зеппелин», «Прокол Харум», «Дип Пепл», «Танжерин Дрим»... «Муди Блюз»... и тысячи им подобных. Электрические звуки бились под кончиками пальцев. Логика и рассудок исчезли. Вновь в душе столкнулись надежды и истина.

– Еще я играю на электрическом басы. Это такой струнный инструмент. Но я только любитель. Правда, у себя дома я собирался заняться серьезно. Только...

– Выходит, что ты музыкант. – Строгое выражение исчезло с физиономии выдра. Отодвинув назад кресло, он спустил ноги на пол и со свежим интересом взглянул на спутника. – Менестрель. Ах, мять-перемять. А че, так тоже можно зарабатывать несколько медяков, а то и серебряк. Может, увидят в тебе чтой-то новенькое. Спой-ка.

– Прямо здесь? – Джон-Том взволнованно огляделся.

– Ага. Тебя в любом случае никто не услышит за этой трескотней и за музыкой.

– Ну, не знаю, – рассудил Джон-Том. – Надо же согреться. И гитары моей тут нет.

– Чтоб чума побрала этот твой инструмент, – буркнул выдр. – Какой же из тебя менестрель, если не умеешь петь по заказу? Словом, жми, кореш. – И он сел, выжидая, с заинтересованным выражением на физиономии.

Джон-Том, почти ничего не осознавая, откашлялся и огляделся. Никто и не думал обращать на него никакого внимания. «Черт, какая глупость, – подумал он. – Ну ладно, начнем со старой, любимой». И он завел «Эленор Ригби». «Я один посреди толпы», – думал он, выводя мелодию.

Закончив, он вопросительно поглядел на выдра.

– Ну как, Мадж?

Откинувшись на спинку, тот вяло улыбнулся.

– Наверное, ты был прав, Джон-Том, без сопровождения не слушается. Слова-то, конечно, интересные, не сомневайся. Помню, знал я когда-то одного менестреля, он тоже вот так дребезжал, тока с таким голосом к чужим дверям соваться нечего.

Джон-Том попытался скрыть разочарование. Впрочем, разве можно было надеяться, что выдр прореагирует не так, как все, перед кем он выступал.

– Конечно, у меня лучше получается с инструментом. А

что касается голоса, – добавил юноша, защищаясь, – хоть гладко пока не выходит, но я стараюсь.

– Так-то, приятель, оно так, но слушатели твои стараться не станут. Надо подумать, что еще с тобой можно сделать. Тока пока ты о всяких песнях и думать забудь.

– Но я же не вовсе беспомощный. – Джон-Том показал рукой на зал. – Мадж, я не хочу навязываться тебе. Вот хотя бы здесь. Я не боюсь тяжелой работы. Здесь наверняка не одна сотня кружек и блюд... Полы надо подметать, протирать столы, чистить стойки. Да здесь же адава бездна работы. Я бы мог.

Перегнувшись через стол, Мадж положил когтистые лапы на плечи Джон-Тома, ухватив его за рубаху. Поглядел в удивленное лицо юноши и многозначительно прошептал:

– Ты не можешь этого делать. Эта ж работенка годится для одних крыс и мышей. Смотри у меня, Джон-Том, чтоб таких слов от тебя никто больше не слышал. – Выпустив из рук шелковую ткань, выдр уселся обратно.

– А что такого? – негромко возразил Джон-Том. – Работа есть работа.

– Глянь и подумай. – Мадж указал направо.

Возле второго от них столика облаченная в комбинезон, сшитый из грубого плотного материала, крыса ростом в три фута занималась своим делом. На крошечных лапках были перчатки. Опустившись на закрывавшие колени голенища высоких сапог, грызун прочищал сток.

Окружающие присутствия его словно бы не замечали, кости и мусор летели едва ли не на спину крысе. Продолжая свое дело, крыса наконец споткнулась о протянутые ноги подвыпившего альбатроса возле стола с жердочками, рассчитанными на птиц. Скосив глаза, огромная птица прищелкнула клювом, скорее в насмешку, чем для угрозы.

Крыса в страхе отшатнулась, споткнулась теперь уже о собственные ноги и повалилась назад, опрокинув на себя ведро с помоями и объедками. Жижа потекла вниз по спецовке, попадая в сапоги. Упавшее животное лежало посреди всей этой дряни, а потом медленно поднялось на ноги и принялось собирать объедки обратно в ведро, не обращая внимания – с виду, конечно, – на обидные прозвища и оскорбления, которые отвешивали посетители. Толстая кость щелкнула крысу по затылку, и она отправила ее в ведро к прочим объедкам. Но вскоре неожиданное развлечение прискучило посетителям, и они вернулись к еде, питью и беседе.

– Так, значит, у вас только крысы и мыши занимаются этим делом? – поинтересовался Джон-Том. – А я частенько так подрабатывал дома. Вспомни-ка, почему ошибся Клотгорб?

– Знаешь-ка, приятель, нечего соваться сюда с тем, что у вас может сойти с рук. Любое уважающее себя животное скорее с голоду подойдет, чем займется такой работой или начнет попрошайничать, как твой помойный дружок, гиббон этот.

– Мадж, я ничего не понимаю.

– И не пытайся понять, приятель. Просто плыви по течению. Усек? Все равно все эти типы тупы и ленивы. Будут целый день лежа слюнявить сырную корку, а не займутся честной работой, так вот. А потом еще наберутся, да так, что и мозгов им не хватит, чтобы понять, с которого конца она, работа эта, начинается.

Джон-Том уже начинал терять терпение.

– Что в этом плохого – убирать? От этого ты не становишься хуже. Я... – Он вздохнул, подумав, что спор безнадежен. – Конечно, здесь все по-другому, так ведь? Извини, позабыл, померещилось нечто из нереального мира.

Мадж расхохотался.

– Поди ты, а совсем недавно уверял меня, что нашего мира не существует.

– Да существует он, существует. – Юноша в гневе хватил обоими кулаками по столу, заметив, что грызун-прислужник вновь повалился – на этот раз носом вперед. Дело было в том, что какая-то черепаха, куда менее утонченная, чем Клотагорб, подставила ему ножку. Собранный с таким трудом мусор опять разлетелся, вызвав у присутствующих радостное оживление.

– Значит, и здесь своя дискриминация, – пробормотал Джон-Том. – Почему же и здесь так?

– Дискриминация? – Мадж помедлил. – Никто ничего им не дискриминирует. Просто они ни на что другое не годятся.

С природою не поспоришь, приятель.

Непонятно, почему Джон-Том ожидал от Маджа иного. Судя по всему, выдр – вполне средний обитатель этого воющего, отсталого и отнюдь не райского городишки.

В ресторане были и гуманоиды, но по росту они не подходили под пару Джон-Тому. Неподалеку одинокий джентльмен выпивал в компании облаченной в расшитое серебряными нитками одеяние паукообразной обезьяны и играл с ней в карты – в паре против крупной человекообразной обезьяны неизвестной Джон-Тому разновидности и трехфутовой мускусной крысы в алом спортивном костюме и самых темных солнцезащитных очках из всех, какие доводилось видеть Джон-Тому.

Без сомнения, и они разделяют местные предрассудки и ханжество. А откуда, собственно, явился он сам, чтобы полагать себя вправе вершить суд над моральными вывертами иного мира?

– Слушай, приятель, с этим нельзя ничего сделать. Зачем кому-то нарушать заведенный порядок? Тока возмись за швабру и тряпку – враз лишишься всякого уважения честных горожан. Правда, может, сойдешь за политикана, тока их уважают еще меньше, чем этих, с тряпкой. Но я надеюсь все-таки, что ты сумеешь обойтись без своих песен. – В тоне Маджа слышались надежда и любопытство. – Помнишь, старикашка-то, Клотагорб-от, он ведь уверен был, что ты чародей... Уверен ведь был! Что ежели ты способен на это? Я

ж слышал, как вы там о чародейских словах базарили.

– Мадж, я просто спрашивал его из любопытства. Мне знакомы некоторые из слов. Но он пользовался ими иначе. Вот ведь и ты умеешь заставлять булавки плясать. Неужели здесь каждый может ворожить?

– Это у нас всяк может. – Мадж пропустил глоток черного зелья. – Тока больше одного-двух фокусов редко кому удастся. Боюсь, булавки – это мой предел. А до соплей хочется узнать его заклинание насчет золотишка. – Тут взгляд его переключался налево, и выдр широко ухмыльнулся. – Однако в некоторых случаях определенные формы левитации мне вполне удаются. – Рука его двинулась с быстротой, на которую способны одни только выдры.

То, что пикантно одетая полная бурундучиха смогла удерживать шесть полных кружек, с которыми она маневрировала в толпе, было чудом само по себе. Джон-Том даже дернулся в сторону, чтобы посуда не попадала на него.

Разъяренная бурундучиха обернулась к Маджу, сидевшему с невинным выражением на физиономии:

– Прибери-ка руки, жук навозный! Еще раз распустишь, спущу тебе за жилет целую кружку.

– Но, Лили, – запротестовал Мадж. – Да я же помочь тебе хотел!

Она замахнулась всеми кружками сразу, и Мадж в притворном страхе, улыбаясь, прикрыл лапами физиономию. Но попусту тратить зелье не было смысла, и бурундучиха напра-

вилась дальше, расталкивая толпу локтями. Хвост вызывающе покачивался из стороны в сторону, короткое платьице не доходило и до колен. Золотистое с серыми аппликациями, оно прекрасно гармонировало с красно-бурым мехом и черно-белыми полосками на спине.

– Ну, чего я тебе говорил, приятель? – Мадж ухмыльнулся Джон-Тому, поднося кружку ко рту.

Тот попробовал улыбнуться в ответ, понимая, что выдр хочет развеять охватившее его уныние, и решил поддержать шутку.

– Слишком уж короткая твоя левитация, и бурундучихе она вовсе ни к чему.

– При чем здесь она? – Выдр ткнул себя пальцем в грудь и захохотал. – Такая левитация – для меня самого. – Сложив обе лапы на волосатой груди, он наслаждался собственным остроумием.

На окна спустили дощатые ставни, кто-то притушил свет масляных ламп. Начавший было подниматься Джон-Том ощутил на своей руке ладонь выдра.

– Торопишься, шеф, нас никуда не просят. – Глаза выдра поблескивали. – Наоборот. Теперь предстоит развлечение. – Он показал на кольцеобразную стойку.

На нее из дыры в потолке медленно опускалось нечто вроде дерева, подвешенного вверх корнями. Ветви зеленели свежей листвой – ее, видимо, время от времени обновляли. Незримый, как и прежде, оркестр завел новую мелодию. Те-

перь, как отметил Джон-Том, главную роль играли ударные, выбивающие неторопливый чувственный ритм.

Изменился и тон выкриков, раздававшихся в зале. Совершенно хаотичный гул превратился в негромкий ропот нарушающийся взрывами комментариев, в основном похабного содержания.

Мадж переставил кресло и теперь сидел возле Джон-Тома. Он не отводил глаз от искусственного дерева и все тыкал своего спутника в ребра.

– Ты, друг, гляди шас. Во всем Линчбени ничего красивее не увидишь.

Из темного отверстия в потолке выглянуло какое-то животное, вызвав своим появлением общий вопль восторга внизу. Оно исчезло, кокетливо высунулось вновь. Стройная худощавая фигурка осторожно и медленно спускалась по ветвям эрзац-дерева. Существо это, футов трех с половиной ростом, наделено было хвостом длиной полфута и с ног до головы покрыто ослепительным снежно-белым мехом; только кончик хвоста чернел.

Костюм его – если так можно назвать подобное одеяние – состоял из многих слоев черной прозрачной вуали, сквозь которую просвечивала белая шубка. Мордочка была раскрашена красным, сложные завитки и узоры сбегали с нее на плечи и грудь, исчезая под воздушными складками. Тюрбан из черной вуали был украшен драгоценностями. Наконец, Джон-Том с восхищением заметил длиннющие накладные

ресницы.

Это ослепительное создание, призрачное млекопитающее, настолько завораживало взгляд, что Джон-Том не сразу признал, что за животное перед ним. Тонкий и сильный торс мог принадлежать лишь представительнице куньих. Видение улыбнулось, обнажив острые мелкие зубки. Сомнений не оставалось: перед ним была горностаиха во всей своей зимней красе. Вот, значит, в какое время года он угодил сюда, а ведь и не подумал поинтересоваться. В том, что перед ним самочка, трудно было усомниться.

И самцы всех видов сразу застыли в ожидании, глядя вверх на экдисиастку-горностаиху³, уже возящуюся с застежками на первой вуали. Она расстегнула одну, следом вторую. Посетители ответили одобрительными воплями удивительной смесью воя, свиста, визга, писка и лая. Змеиными движениями она начала выползать из покрывал.

Джон-Тому и в голову не приходило, что животное может показывать стриптиз. В конце-то концов под последней одеждой окажется мех, а не обнаженная человеческая плоть. Но, как оказалось, эротика мало связана с наготой. Возбуждали сами движения – изгибы и повороты, – которых не смогла бы повторить ни одна женщина. Том обнаружил, что танец захватил и его.

Под одобрительные крики толпы вуаль следовала за вуалью. Холодное безразличие, которое Джон-Том пытался

³ Стриптизерка. От *ecdysias* – линька (*лат.*)

изображать, давно уступило место томлению. Он оказался столь же восприимчивым к красоте животного, как и все вокруг. Движения горностаихи выходили за пределы возможностей самой гибкой из женщин, она проводила свое представление с изяществом и благородством герцогини.

Только холодный кусок гранита мог остаться равнодушным к фигурке, выющейся между ветвей и листьев, проглаживающей их телом и ладонями. В комнате стоял тяжелый мускусный запах – должно быть, взволновались все самцы сразу.

Наконец соскользнула последняя вуаль, перышком поплывшая к полу. Музыка частила вместе с плясуньей. Покрытая белым мехом задняя часть ее тела, отрицая всяческую гравитацию, вибрировала маятником, содрогаясь вместе с белым хвостом в такт музыке.

Музыка впала в неистовство, когда, держась уже за самые нижние ветви, горностаиха выполнила последнюю серию абсолютно невозможных движений, мгновенно пояснивших Джон-Тому, зачем нужна кольцеобразная стойка. Это была крепостная стена, за которой тяжело вооруженные повара и бармены могли отразить истерический натиск распаленной аудитории.

Длинноухий кролик, надо думать, самец, ухитрился сграбастать горстью черный кончик хвоста, который у него игриво, но твердо вырвали. Пока горностаиха раскланивалась и посылала поцелуи публике, коренастый и крепкий самец

рыси затолкал кролика в толпу посетителей. Потом артистка скользнула по ветвям наверх и, с последним плавным изгибом, исчезла в потолке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.